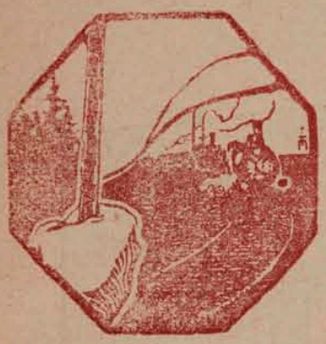
Цѣна 10 коп

1906 Воскресенье 8 Января

Цѣна 10 коп.
съ приложеніемъ



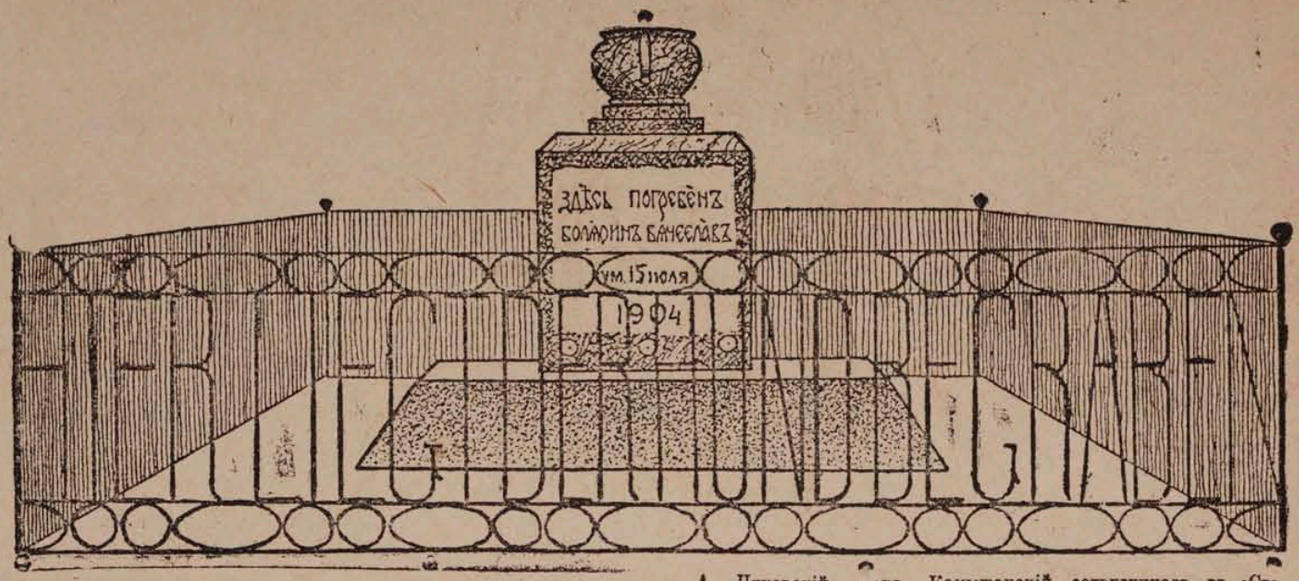
СИГНАЛЫ

С.Петербургъ, В.О. 13 л. 2.

ВЫПУСКЪ I

Родоначальникъ русской революціи

Hier liegt der Hund begraben.



Какъ Сигналу дѣлали рекламу.

(Истинное происшествіе).

Видитъ Витте--мы этого не хотѣли. Но только 1-го декабря намъ подаютъ записку отъ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Ц. И. Обухъ Вощатынскаго съ просьбой если можемъ не отказать правительству ссудить десять тысячъ рублей. Намъ это показалось подозрительнымъ. Во первыхъ, не указано на какой срокъ; во вторыхъ, проситъ человѣкъ чужой и мы ни разу съ ними не встрѣчались; въ третьихъ записка изложена въ странномъ тонѣ, безъ „многоуважаемый" или хотя бы „милостивый государь". Принесъ ее намъ околоточный, ну, это конечно по случаю почтово-телеграфной забастовки. Хорошо еще что Куломзинъ не явился.

На другое утро редакторъ К. И. Чуковскій и говоритъ:

— Пойдемъ къ слѣдователю, узнаемъ. Можетъ бытьо шантажъ такъ вѣдь это общественное дѣло, раскрыть надо.

Пошли. Пришли. Курьеръ на верху говоритъ этакъ свысока. Обождите.

Ну мы сейчасъ ему тонъ посбавили:

Мы не какіе-нибудь, говоримъ, а у насъ десять тысячъ просятъ, мы по 103-ей.

Какъ шелковый сдѣлался: видитъ, господа настоящіе.

— Позвольте, говоритъ, вамъ въ третьей пріемной обождать.

Но редакторъ обидѣлся.

— ПОчему это, спрашиваетъ въ третьей?

— А поэтому это, отвѣчаетъ, курьеръ, что первыя двѣ по этому самому дѣлу заполнены,—мѣстовъ нѣтъ. Пришли въ третью пріемную, кругомъ потѣснились,—мѣстечко нашлось. Оглянулись этакъ какъ бы нечаянно: Господи! Почитай вся свободная пресса сидитъ!

Наконецъ позвали насъ къ прокурору. спрашиваемъ мы:

—Это вы просите у насъ десять тысячъ рублей?

Прокуроръ сразу сознался:

—Не я, а одинъ человѣкъ. Словомъ необходимо.

— Извините, говоримъ, такихъ денегъ у насъ нѣтъ. Разу мѣется, если крайность, мы согласны... сами понимаемъ, входимъ такъ сказать въ положеніе правительства.

— И редакторъ къ кошельку жмется.

Но прокуроръ остановилъ его:

— У насъ. заявляетъ, цѣны безъ запроса prix fixe (очень чисто такъ выговорилъ), а уступить не могу. Впрочемъ, ежели вы не желаете, такъ позвольте вамъ итти въ тюрьму.

Но тутъ Чуковскій возразилъ, что вовсе не желаетъ въ тюрьму, однако прокуроръ оказался упрямъ.

— Въ тюрьму! Въ тюрьму!

Видимъ мы,—человѣкъ односторонній, не стали спорить—такихъ людей все равно не переубѣдишь.

Однако спросили:

— За что въ тюрьму?

— А за то, что у васъ нѣтъ десяти тысячъ.

На это Дымовъ (тутъ же былъ)--замѣтилъ.

— Но вѣдь и у васъ ихъ нѣтъ. Значитъ...

Тутъ Чуковскій и говоритъ:

— Вотъ что. Я такъ и быть—пойду въ тюрьму а вы, г. прокуроръ жалуйте сотрудничать въ «Сигналѣ»,

— Спасибо, говоритъ прокуроръ, хотя я ужъ работаю у Шгубуева въ «Пулеметѣ»

А Чуковскій — пока Камышанскій сотрудничалъ въ «Столахъ», «Пламени», «Дятлѣ», «Жупелѣ», «Вригелѣ» и «Буреломѣ» сидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія, что на Шпалерной, гдѣ свелъ обширное литературное знакомство.

Видитъ Камышанскій, не получить ему десяти тысячъ, поубавилъ жадность и къ Чюминой пристадъ:

Позвольте тысячу! Вы писали въ № 3. что нѣкая принцесс шампанское съ итальянцемъ пила, такъ это вотъ про кого...

И ляпнулъ! Мы такъ и ахнули. Заберутъ его когда-нибдуь за эти слова, вотъ увидите заберутъ.

Пока Чуковскій сидѣлъ въ тюрьмѣ, О. О. Грузенбергъ созвалъ Судебную палату и объяснилъ ей:

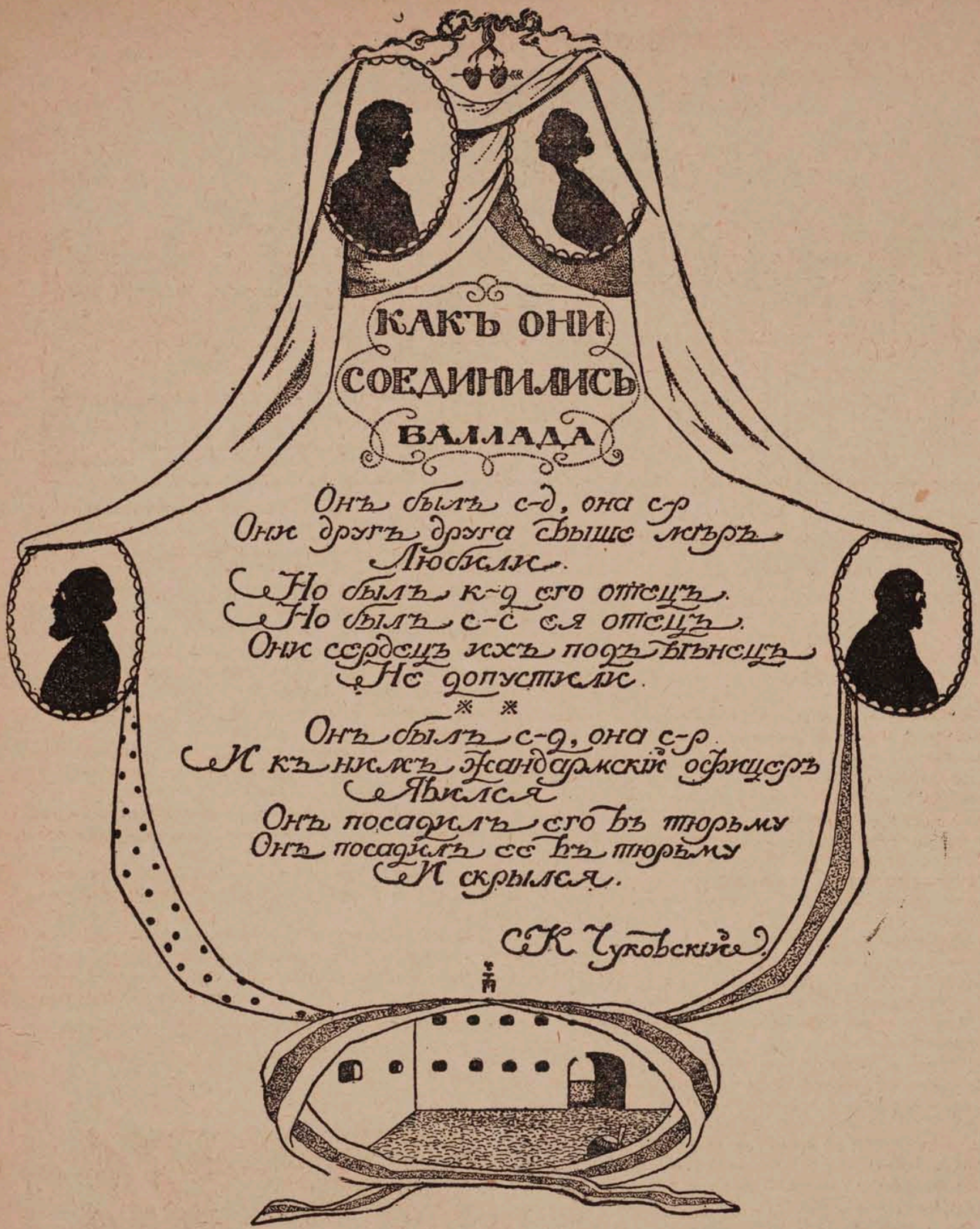
Деньгами отъ Чуковскаго правительству не разжиться, очень ужъ онъ тугъ на карманъ, а что касается преступленія. то въ № 3 «Сигнала» его нѣтъ. Поглядите сами.

Палата посмотрѣла, дѣйствительно: нѣтъ никакого преступенія, но дабы Чуковскій могъ въ этомъ раскаяться, рѣшила продержать его еще недѣлю.

Но все таки деньги правительству были очень необходимы Камышанскій и предложилъ: перенести преступленіе съ № 3 Сигнала на № 4.

Уважили, перенесли; № 4 арестовали, типографію запечатали а этакъ черезъ денька два явились въ редакцію: 'приставъ, четыре околоточныхъ, три дворника еще разные. Принесли сургучъ и запечатали оставшіеся №№ 3 и 2 которые были невинны какъ Турново въ овсѣ.

Запротоколировалъ О. Дымовъ.



Новый портъ.

По слухамъ рѣшено оборудовать новый портъ «Москва». Этотъ оплотъ морскихъ силъ Россіи, являясь крайне выгоднымъ стратегическимъ пунктомъ, замѣнитъ странѣ печально отошедшій насъ, Портъ-Артуръ. Предполагается выстроить его въ Пресненѣ грандіозную верфь. Слухъ о перенесеніи Адмиралтейства въ театръ Корша еще не подтверждается.

Дубасовъ и Свѣчка.

Придя къ Дубасову копеечная Свѣчка
Съ нимъ о заслугахъ стала толковать
И утверждать,
Что онъ передъ ней смиренная овечка.
„Превосходительный судите сами вы
Такъ свѣчка говорила.
„Сожгли вы только треть Москвы,
А я такъ всю Москву спалила.

Андрей Леонидовъ

Обожжешься на морячкѣ, переставешь и солдатика дуть.

∴

Печатай книги и брошюры,
Свободой цользуйся святой—
Безъ предварительной цензуры,
Но съ предварительной тюрьмой

Сказочка про бѣлаго бычка.

Разсердилися дѣти. Стукнули, брякнули По столу кулаками, по полу каблуками Требуютъ, чтобъ мама имъ елку сдѣлала.

А мама и говоритъ: „Ахъ вы глупые червята, пустомельныя ваши головы. Сѣли бы вы скромненько, сложили бы ручки ровненько, я бы тогда и про елку подумала".

Сѣли дѣти скромненько, сложили ручки ровненько ждутъ - пождутъ, скоро-ли имъ елка будетъ.

А мама и говоритъ: Ахъ вы, глупые червята, пустомельныя ваши головы. Стану я вамъ елку дѣлать! Вы у меня и безъ того смирненькія.

Разсердились дѣти. Стукнули, брякнули. По столу кулаками, по полу каблуками. Требуютъ, чтобы мама имъ елку сдѣлала.

А мама имъ и говоритъ: „Ахъ вы глупые червята, пустомельныя ваши головы. Сѣли бы вы скромненько, сложили бы ручки ровненько, я бы тогда и про елку подумала...

Тэффи.

Мысли и афоризмы Ѳомы Пруткова.

1.

Закуривая рентой сигару, не мни себя мо томъ.

2.

Единажды бывъ премьеромъ, кто тебѣ повѣритъ?

3.

Не всякій человѣкъ даже сенаторскаго мундира достоинъ!

4.

Кто мѣшаетъ тебѣ выдумать министра невзрывaемаго?

5.

Эсэрствуй?

6.

Гдѣ начало того конца, которымъ окончилось „*Начало*".

7.

Прежде чѣмъ, познакомиться съ человѣкомъ, узнай: не былъ ли онъ министромъ. *)

Андрей Леонидовъ

Пѣшка, Король и Ферязь.

(Шахматная басня).

Въ своемъ безсиліи увѣряясь
Сказала Пѣшка: Другъ мой Ферязь,
Скажи мнѣ отчего, какъ я ни бьюсь
Все въ Короли не проберусь,
Хотя, не скрою,
Фигурой сдѣлаться могу любою?—
—„Утѣшься, не горюй о томъ".
Ей Ферязь говорить съ усмѣшкой:
„Ты не бываешь Королемъ.—
За то Король бываетъ Пѣшкой!"

Андрей Леонидовъ

---

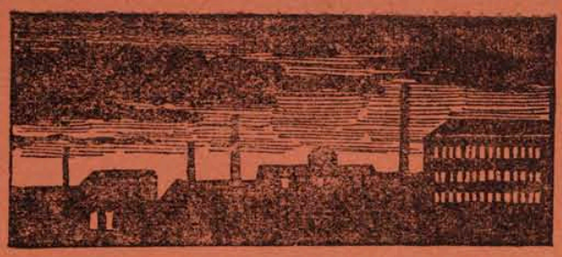
*) Варьянтъ: „Прежде чѣмъ познакомиться съ министромъ, узнай: не былъ ли онъ человѣкомъ.

DK22.2
.R9

ЭКСТРЕННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

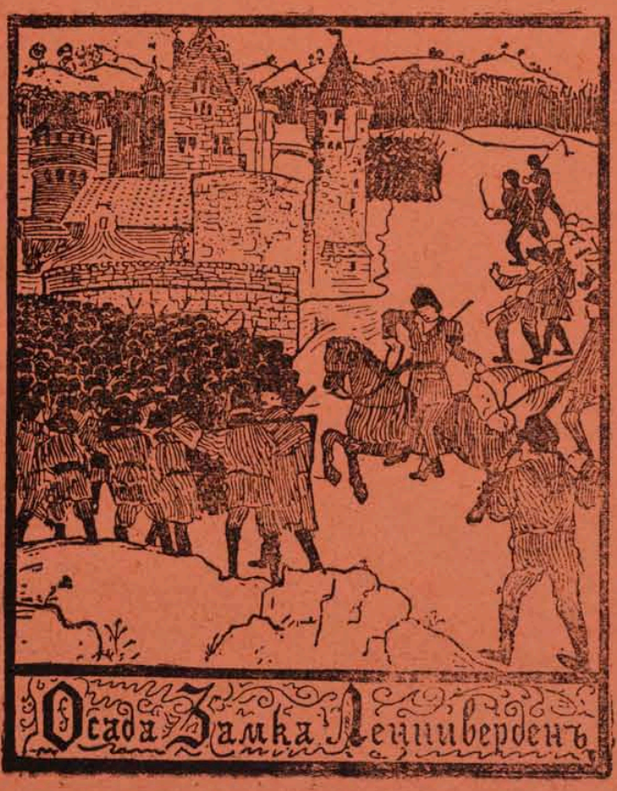
КЪ ЖУРНАЛУ

„СИГНАЛЫ“



Отъ Редакціи.

Изо всѣхъ періодическихъ изданій „Сигналу“ особенно повезло на административныя кары: его запрещали, прекращали, конфисковывали, арестовывали. № 3-й этого журнала былъ обвиненъ по 103, 106 и 128 ст. Угол. улож. и редакторъ его былъ подвергнутъ тюремному заключенію, № 4 былъ задержанъ въ типографіи, и къ редактору его было предъявлено новое обвиненіе по 103 и 129 ст. Угол. Улож. послѣ чего, журналъ былъ прекращенъ—и даже контора была запечатана,—вмѣстѣ со многими клише, рукописями, квитанціонными книгами и т. д. Кромѣ того журналу оказывали лестное вниманіе г. г. генералъ-губернаторы Дубасовъ, Карангозовъ, и комендантъ Кронштадтской крѣпости г. Бѣляевъ,-которые, запрещая обращеніе его нумеровъ среди ввѣреннаго имъ населенія, тѣмъ самымъ подчеркивали вліяніе и силу нашего журнала. И эти господа, достигли своей цѣли Вмѣсто одного „Сигнала“ мы выпускаемъ теперь нѣсколько,—и отнынѣ называемся „Сигналы“.



Къ читателямъ!

Редакція обратилась къ Осипу Дымову съ просьбой доставить для новогодняго номера „Сигналовъ“ небольшой святочный разсказъ. Мы просили его написать о чемъ либо очень страшномъ, сверхестественномъ, словомъ, о томъ, что приличествуетъ темѣ святочныхъ разсказовъ. Вмѣсто этого г. Дымовъ доставилъ намъ слѣдующую странную рукопись:

Въ редакцію „Сигналъ|ы“.

Страшное происшествіе

(Святочный разсказъ).

1905 г.

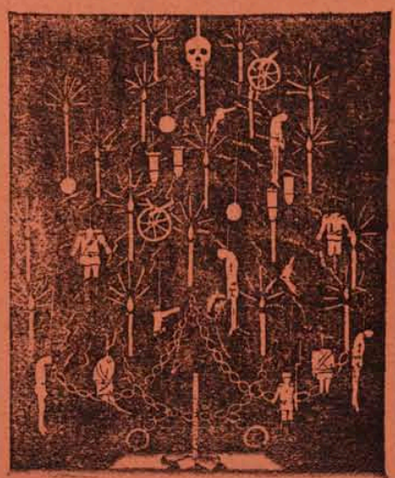
Осипъ Дымовъ.

и утверждаетъ, что исполнилъ нашу просьбу.

Манифестъ и Таратайка

Нанявъ газетчикъ Таратайку,
Пукъ Манифестовъ везъ съ собою,
Но, подвернувшись подъ нагайку,
Лечимъ былъ преданной женою.
Читатель въ баснѣ сей откинувъ манифесты
Здѣсь помѣщенные не къ мѣсту,
Ты только это соблюди:
Чтобъ не попробовать нагайки
Не ѣзди ты на Таратайкѣ,
Да и пѣшкомъ не выходи.

Андрей Леонидовъ



Изъ басенъ Томаса Мура.

Огнегасители.

(Переводъ съ англійскаго)

Владыка Персіи могучій
Былъ чрезвычайно пораженъ,
Когда узналъ случайно онъ,
Что непріятелемъ, какъ тучей,
Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.
Огни священные пожаромъ
Враги предъ шахомъ развели,
Но онъ владыкой былъ недаромъ,
И, ихъ сразивъ однимъ ударомъ,
Изгналъ изъ отческой земли.
Огнепоклонники бѣжали,
Но ихъ огни—они горятъ!
Они горятъ—и ихъ едва-ли
Велѣнья шаха устрашатъ.
Они горятъ!—и шахъ со страхомъ
— „Теперь ужъ", думаетъ, „капутъ!"
Но въ этотъ мигъ предъ нашимъ шахомъ
Рабы блѣднѣя предстаютъ
И послѣ низкаго поклона
Кладутъ гасильники у трона.
И снова шахъ
Сидитъ въ потьмахъ
И снова славитъ онъ Аллаха
Вѣдь изо всѣхъ даровъ его
Тьма драгоцѣннѣе всего
Для шаха,
А посему вокругъ дворца
Машинъ гасильныхъ безъ конца
Они, какъ войско на сторожѣ:
Чуть огонекъ—они туда
И онъ ужъ гаснетъ навсегда.
Но время шло. И разъ, о Боже,
Великій шахъ
Гулялъ въ гостяхъ
А пламя тихо разыгралось
Къ дворцу, неслышное, подкралось
И тронъ сгорѣлъ и отъ жезла
Одна осталася зола.

А что-жъ гасители! Ужели
Они не встали на врага?
Ужель имъ честь не дорога?
О, всѣ они на бой хотѣли,
Да сами, бѣдные, сгорѣли.

О шахи, чуръ не обижаться,
Мы поученье вамъ дадимъ:
Во вѣки впредь не довѣряться
Огнегасителямъ такимъ,
Что сами могутъ загораться.

К. Чуковскій.

Рейхсканцлеру графу Бюлову.
Берлинъ.

Послѣ Цусимы—по представленію Вашего Сіятельства—адмиралу Того монархъ Вашъ Вильгельмъ Вильгельмовичъ пожаловалъ орденъ Чернаго Орла. Нынѣ, ободренный симъ прецедентомъ, разбивъ врага подъ Москвой, я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ справедливости Вашего Сіятельства.

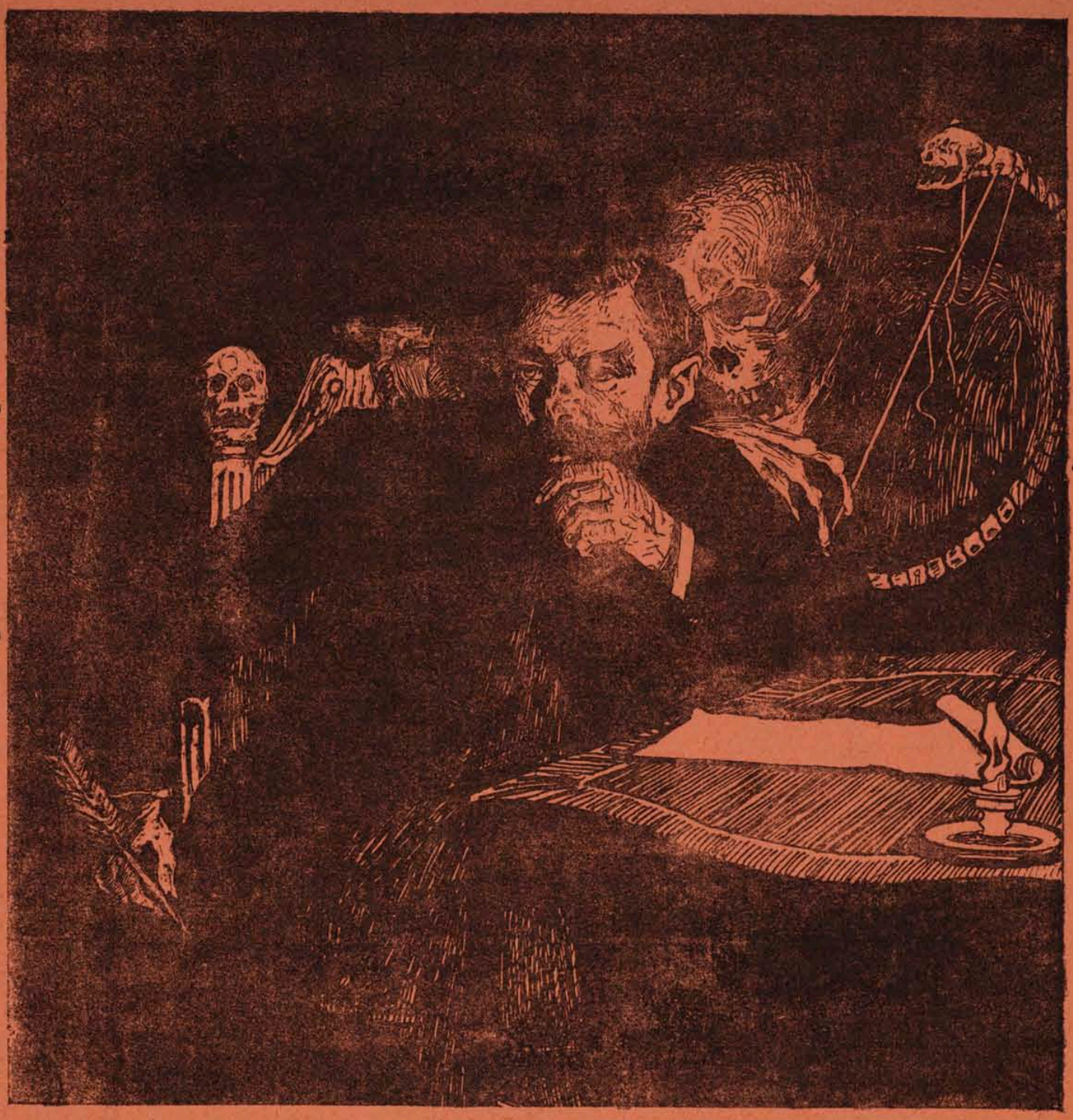
Съ чрезвычайной аттенціей

Адмиралъ *Дубасовъ*. **Скит.**

Хроника.

—Слухи о томъ, что о. Іоаннъ Кронштадскій по случаю 50 годовщины пасторскаго своего служенія, рукоположенъ въ гусары—оказались неосновательными.

— Томскій губернаторъ г. Азончевскій, спаливший живьемъ, по собственному его признанію, только шестьдесятъ человѣкъ, пока еще не повѣшенъ.



Старыя загадки на новый ладъ.

I.

Что такое?—
Три „покоя“:
Кровь пьетъ,
Складно вретъ,
Больно бьетъ?
Партія Правового Порядка

II.

„Криво, лукаво,
„Куда побѣжало?“
— Зелено, кудряво,
— Тебя стерегу!—
Витте и свобода.

Градовъ.

Въ редакціи.

(Фактъ).

Секретаръ. Біографія новаго генералъ-губернатора лежитъ въ запасѣ уже третій день. Разобрать ее?

Редакторъ. Оставьте. Сразу пустимъ въ некрологъ.

Скит.

Журналисты и Камышанскій.

Журналисты что такое?
Камышанскій вопросилъ,
Правда-ль: это племя злое
Не боится нашихъ силъ?
Такъ раскаются-жъ нахалы.
Объявить редакторамъ,
Чтобы „*Стрѣлы*“ и „*Сигналы*“—
Все несли къ моимъ ногамъ.
Намъ сдаваться нѣтъ охоты
Намъ угрозы не страшны:
„*Пули*“, „*Бомбы*“, „*Пулеметы*“,—
Все готово для войны!
По „*Сигналу*“ „*Пулемета*“
„*Жупелъ*“ „*Пламенемъ*“ объятъ.
И въ измѣнниковъ безъ счета
„*Стрѣлы*“ съ „*Пулями*“ летятъ
Даже „*Зритель*“ безучастный
Имъ устроилъ „*Буреломъ*“
Словно „*Кровью*“ краской красной
Обагряя все кругомъ...*)

К. Чуковскій.

*) Читателямъ предлагается докончить это стихотвореніе по собственному усмотрѣнію и прислать окончаніе въ нашу редакцію. Лучшее рѣшеніе будетъ напечатано—и авторъ его получитъ безплатно годовой экземпляръ «Сигнала».

Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатерингофскій пр., 10—19.

DK262
.R5

Онъ допрыгался до министра.

Всѣхъ перепрыгнулъ Дурново,
Не перепрыгнулъ одного.
Конечно, братцу ради братца
Не помѣшаетъ постараться,
Но, графъ, отъ этой чехарды
Вамъ не дожить бы до бѣды.

Андрей Леонидовъ.

Баллада.

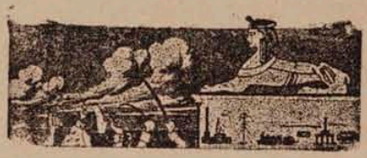
Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною
мглой?
Фроловъ оробѣвшій да Минъ удалой.
Корнетъ къ адъютанту любовно приникъ;
Обнявъ его, держитъ и грѣетъ старикъ,

«Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?»
«Родимый, профессоръ вдали промелькнулъ»
Онъ въ черномъ цилиндрѣ, съ густой
бородой...»
«О, нѣтъ, то шагаетъ патруль надъ Невой.»

«Родимый, профессоръ со мной говоритъ:
—О, часъ уже близокъ: народъ отомститъ;
Его засіяютъ подъ солнцемъ щиты...»
«Клянусь, мой младенецъ, ослышался ты.»

Ковромъ серебристымъ бѣлѣетъ Нева.
Патруль утомился и бродитъ едва...
Все скачетъ, все мчится подъ хладною
мглой
Фроловъ оробѣвшій да Минъ удалой.

— Ы. —

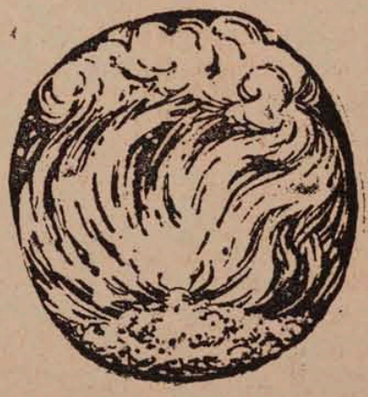


Свобода, Сожалѣніе и Читатель.

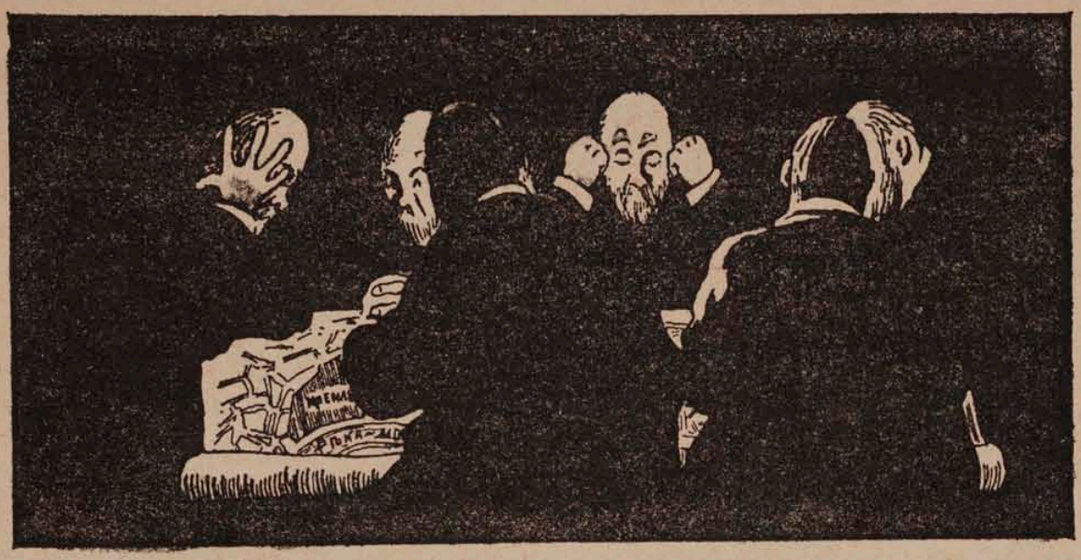
Однажды намъ была дарована Свобода,
Но къ Сожалѣнію такого рода,
Что въ тотъ же мигъ куда-то затерялась.

Тебѣ, Читатель мой, она не попадалась?

Андрей Леонидовъ



Военный совѣтъ.



Княжна Зизи.

(Вчерашняя быль)

1.

Княжна Зизи въ коляскѣ
Съ саженнымъ гайдукомъ,
Закатывая глазки
Катитъ изъ дома въ домъ...
Имѣя шесть мильоновъ,
На вѣтрѣ, въ дождь и въ грязь
Она за почтальоновъ
Развозкой занялась.
Сей крестъ подъявши кротко,
Закутанная въ шелкъ,
Она—какъ патріотка
Свой исполняетъ долгъ.
Въ портфельчикѣ богатомъ
У ней два—три письма.
Ихъ въ руки адресатамъ
Она отдастъ сама.

2.

Гайдукъ и старшій дворникъ
Ведутъ княжну въ подвалъ:
Тамъ адресатъ (—во вторникъ
Онъ лѣвый уголъ снялъ).
Вошли.. Мерцаетъ лампа...
Надъ койкой—шесть картинъ:
Морской разбойникъ Цампа—
И адмиралъ Чухнинъ.
Эскадра броненосцевъ,
Отдавшихся врагу,
Оселъ, Побѣдоносцевъ
И свиньи на лугу.
На койкѣ - блѣдный, хилый
Измученный больной...

3.

—„Вы—Петръ Кузьминъ мой милый?
Лежите, милый мой!
Тутъ есть для васъ открытка:
Порвавшій цѣпь медвѣдь.
А? что?.. Болѣзнь вамъ—пытка?
Не слѣдуетъ болѣть.
Какой вашъ родъ занятій?
Вы почтальонъ?.. Хе-хе!
Одинъ изъ нашихъ братій,
Погрязшій во грѣхѣ...
Ну, какъ-же вамъ не стыдно,
Мой милый, бастовать?
За родину обидно,
А родина—намъ мать!

4.

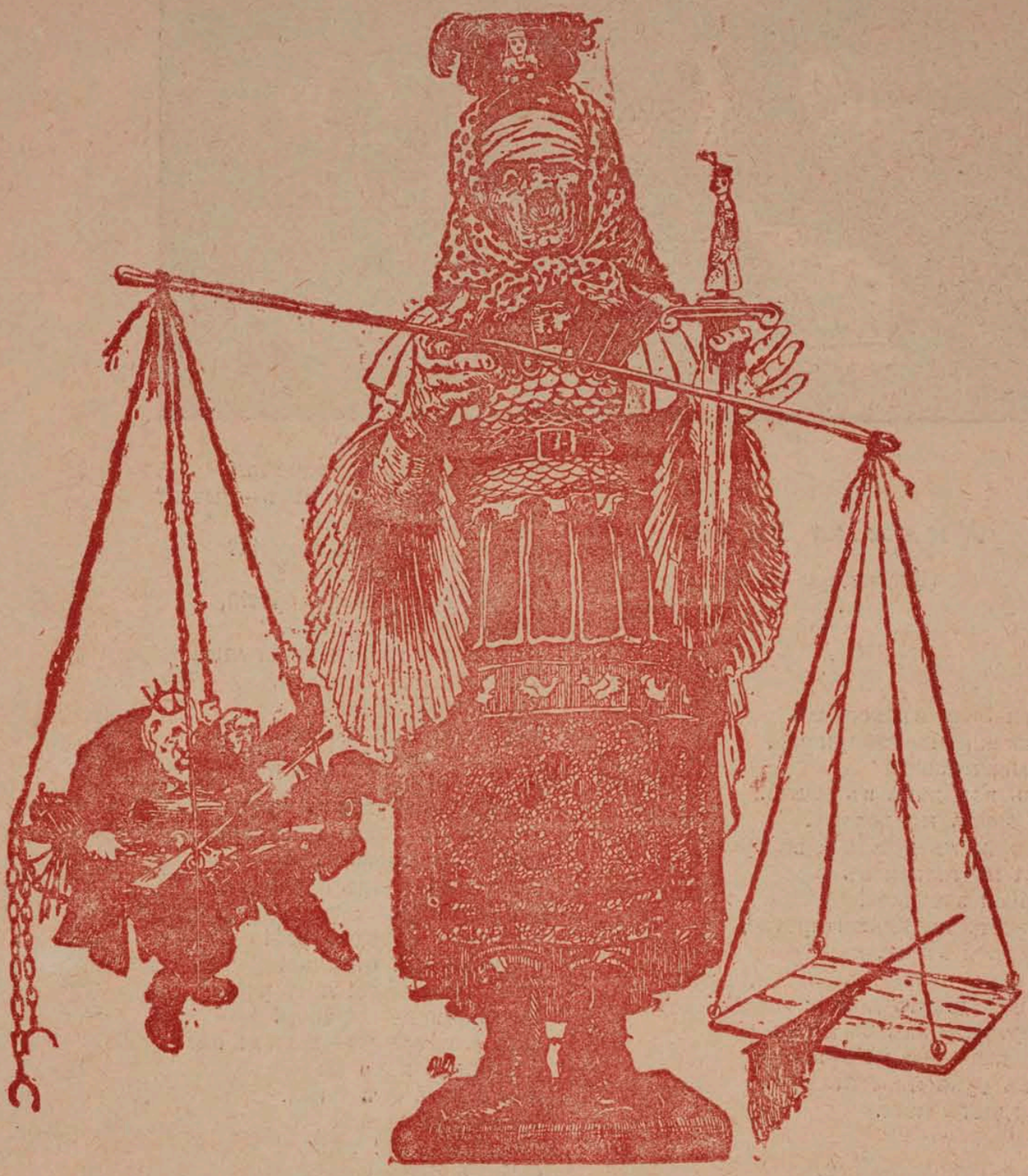
Въ мою повѣрьте дружбу
Какъ братъ, какъ гражданинъ!
Вернитесь вновь на службу,
Любезный Петръ Кузьминъ!
Я убѣдилась лично,
Что ваша служба—рай!
Тамъ весело! отлично!
Тамъ шоколадъ! тамъ чай!
Начальники—маркизы!
Для служащихъ—хоть въ адъ!
Малѣйшіе капризы
Угадывать спѣшатъ...
Я это все видала
Сама! вполнѣ! вблизи!
Смѣясь прощебетала
Петру—княжна Зизи...

5.

Самъ дворникъ улыбнулся,
Но Петръ Кузьминъ къ стѣнѣ
Безмолвно отвернулся
И сплюнулъ въ тишинѣ.
— Мужланъ! Какую даму
Обидѣлъ зря! Дерьмо!
Вези такому хаму
Открытое письмо!“
— „Оставьте, дворникъ!—кротко
Промолвила княжна.
Вѣдь я...—я патріотка!
Я все терпѣть должна!
Терпѣть! терпѣть покорно—
Вотъ счастья весь законъ!..“
Но тутъ Кузьминъ проворно
Вскочилъ—и крикнулъ:—„Вонъ“!

Скиталецъ (О. Яковлевъ).

Россійская Ѳемида



Редакторъ-Издатель В. Е. Турокъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПОЛИТИКО САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СИГНАЛЫ

Выходитъ взамѣнъ журнала „Сигналъ"

1—2 раза въ недѣлю.

Участвуютъ: Аллегро(П. С. Соловьева) В. А. Анзиміровъ, М. П. Арцыбашевъ, Кн. В.В. Барятинскій, К. Барвинокъ, Б. И. Бентовинъ (Импрессіонистъ),З. Венгерова, Л, Габриловичъ (Леонидъ Галичъ),Л. Вилькина, О. Дымовъ, В. Ермиловъ, В. Жаботинскій, (Владиміръ Ж.), Карпенъ Квидамъ(псевдонимъ), А. И. Косоротовъ А. И, Купринъ, Lolo, Н. М. Минскій, И. О. Осиповъ, А. де Пальдо, С. Ф. Плевако, М. Пустынинъ, Роландъ (Псевд.), М. Свободинъ, Скиталецъ (О. Яковлевъ), Ѳеодоръ Сологубъ, В А. Тихоновъ (Мордвинъ), Турокъ, Тэффи, Ф. Н. Фальковскій. Б. Харитонъ, А. М. Хирьяковъ, Н.Н. Ходотовъ, К. Чуковскій, О. Н. Чюмина (Оптимистъ) и мн. др.

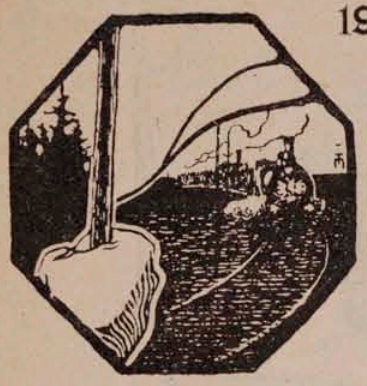
Редакторъ принимаетъ отъ 12-2 ежедневно, кромѣ среды В. О. 13 л. д. 2 Телефонъ 20652

Цѣна отдѣльнаго №—5 к Подписная цѣна со всѣми приложеніями на 1 г. 8 р

Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатерингофскій пр., 10—19.

DK262
.R9
Цѣна 5 коп

1906 Цѣна 5 коп.



СИГНАЛЫ

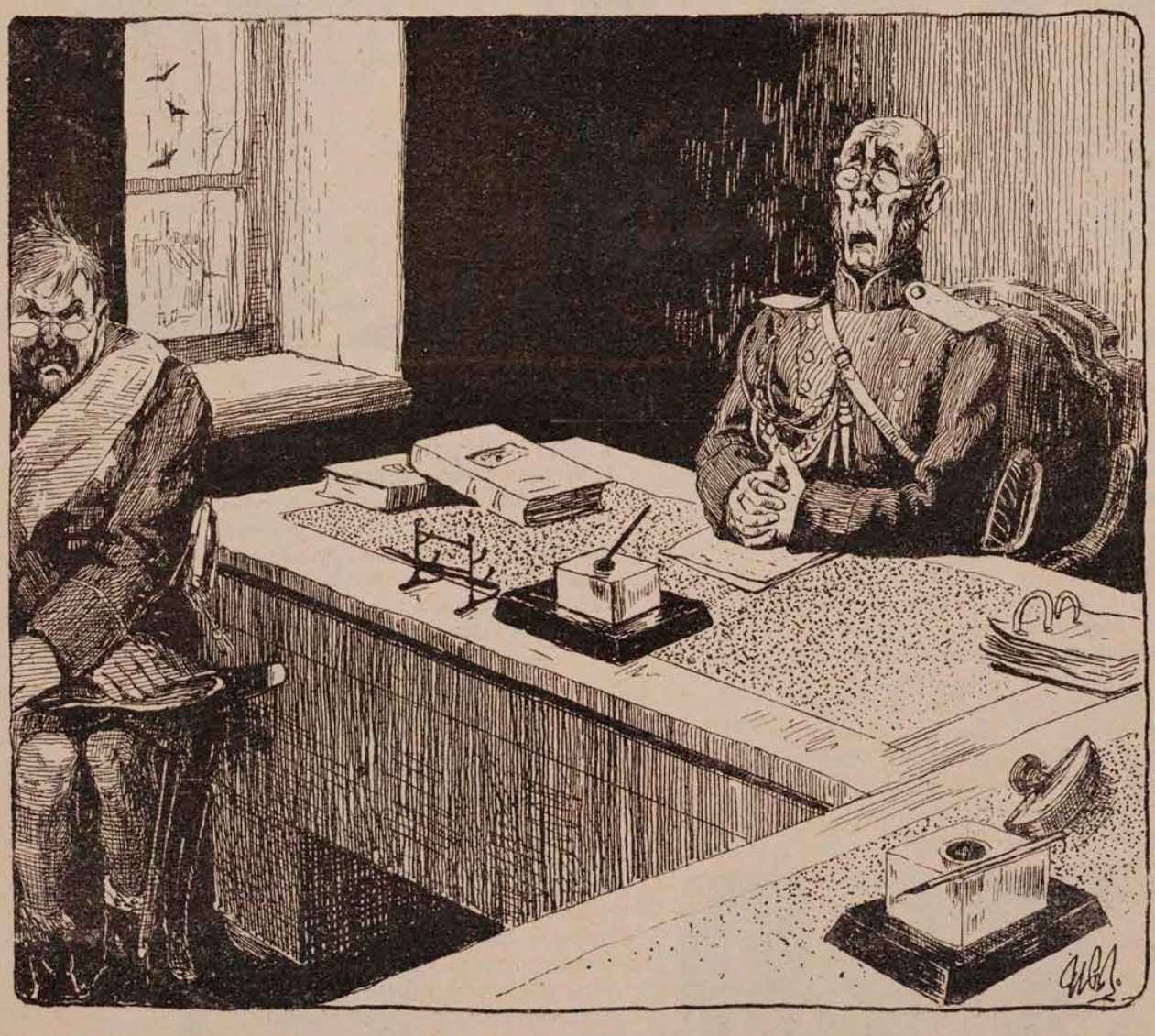
С.-Петербургъ, В.О. 13 л. 2.

ВЫПУСКЪ 3

Сонъ статскаго совѣтника Попова.

САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

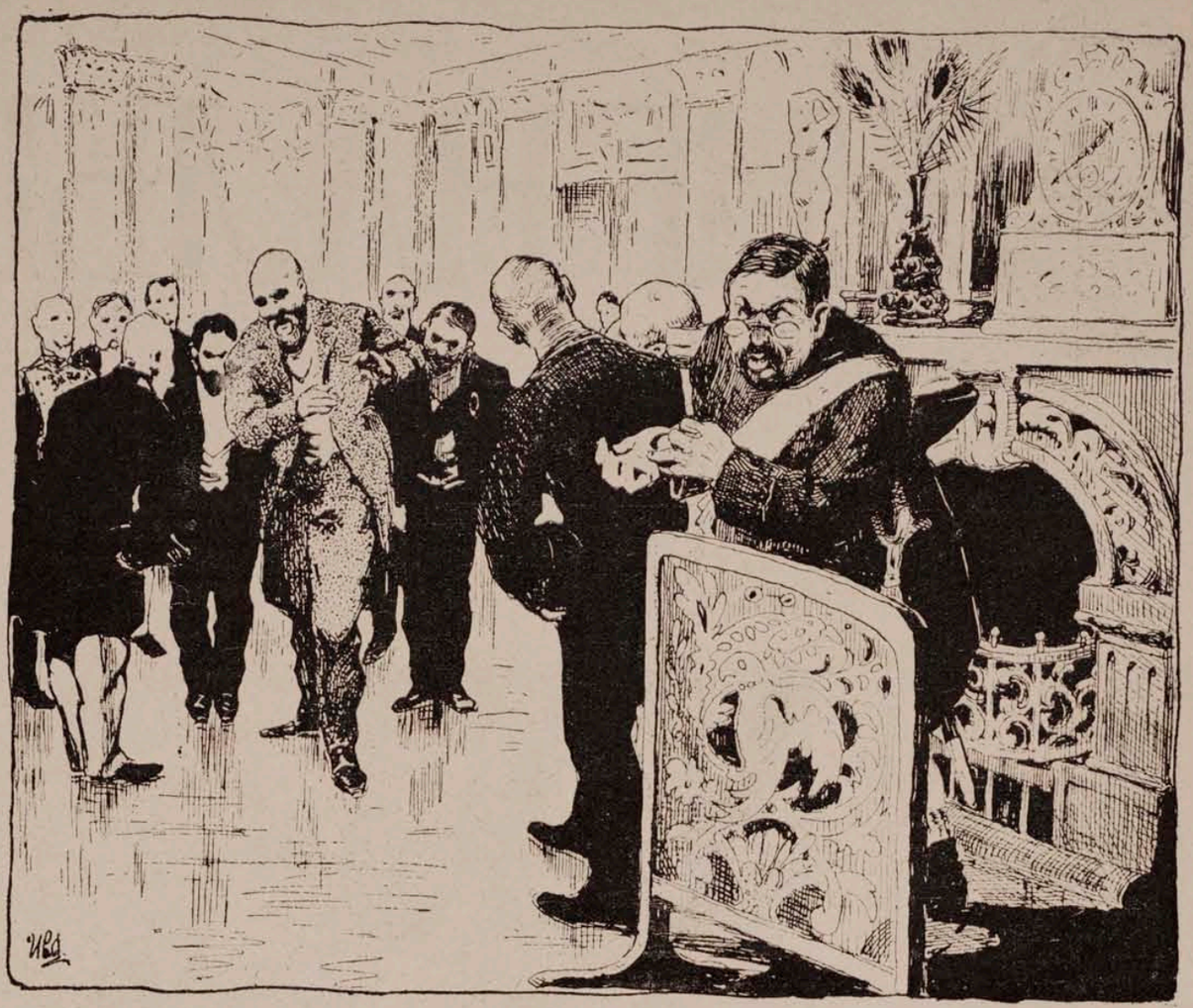
Графа А. К. Толстого.



Я въ тѣ года, когда мы ѣздимъ въ свѣтъ,
Зналъ вашу мать. Она была святая!

Приснился разъ, Богъ вѣсть съ какой причины,
Совѣтнику Попову страшный сонъ:
Поздравить онъ министра въ именины
Въ пріемный залъ вошелъ безъ панталонъ;
Но, впрочемъ, не забыто ни единой
Регаліи; отлично выбритъ онъ;
Темлякъ на шпагѣ; все по циркуляру,—
Лишь панталонъ забылъ надѣть онъ пару.

И надобно-жъ случиться на бѣду,
Что онъ тогда лишь свой замѣтилъ промахъ,
Какъ ужъ вошелъ.—Ну, думаетъ, уйду!
Не тутъ-то было! Ужъ давно въ хоромахъ
Народу тьма; стоитъ онъ на виду,
Въ почетномъ мѣстѣ; множество знакомыхъ
Его увидѣть могутъ на пути—
— Нѣтъ, онъ рѣшилъ, нѣтъ, мнѣ нельзя уйти!



Министръ межъ тѣмъ станъ изгибалъ пріятно.

А вотъ я лучше что нибудь придвину
И скрою тѣмъ досадный мой изъянъ:
Пусть верхнюю лишь видятъ половину.
За нижнюю-жъ отвѣтитъ мнѣ Иванъ!
И вотъ бочкомъ прокрался онъ къ камину
И спрятался по-поясъ за экранъ.
— Эхъ, думаетъ, не дурно вѣдь, канальство!
Теперь пусть входитъ высшее начальство!

Межъ тѣмъ тѣснѣй все становился кругъ
Особъ чиновныхъ, чающихъ карьеры;
Невнятный въ залѣ раздавался звукъ;
И всѣ принять свои старались мѣры,
Чтобъ сразу быть замѣченными. Вдругъ
Въ себя втянули животы курьеры;
И экзекуторъ рысью черезъ залъ,
Придерживая шпагу, пробѣжалъ.

Вошелъ министръ. Онъ видный былъ мужчина,
Изящныхъ формъ, съ привѣтливымъ лицомъ,
Одѣтъ въ визитку!—своего, молъ, чина
Не ставлю я предъ публикой ребромъ;
Внушается гражданствомъ дисциплина,
А не мундиромъ, шитымъ серебромъ.
Все зло у насъ отъ глупыхъ формъ избытка;
Я-жъ вѣка сынъ—такъ вотъ на мнѣ визитка!

Не ускользнулъ сей либеральный взглядъ
И въ самомъ снѣ отъ зоркости Попова.
Хватается, кто тонетъ, говорятъ,
За паутину и за кустъ терновый
— А что, подумалъ онъ, коль мой нарядъ
Понравится? Вѣдь есть-же право-слово,
Свободное, простое что-то въ немъ!
Кто знаетъ? Что-жъ? Быть можетъ! подождемъ!

Министръ межъ тѣмъ станъ изгибалъ пріятно:
— „Всѣхъ, господа, всѣхъ васъ благодарю!
Прошу и впредь служить такъ аккуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Вѣдь мысль моя, надѣюсь, вамъ понятна?
Я въ переносномъ смыслѣ говорю:
Мой идеалъ полнѣйшая свобода—
Мнѣ цѣль народъ—и я слуга народа!

„Прошло у насъ то время, господа—
Могу сказать: печальное то время—
Когда наградой пота и труда
Былъ произволъ. Его мы свергли бремя.
Народъ воскресъ—но не вполнѣ—да, да!
Ему вступить должны помочь мы въ стремя.
Въ извѣстномъ смыслѣ сгладить всѣ слѣды
И, такъ сказать, вручить ему бразды.

Искать себѣ не будемъ идеала,
Ни основныхъ общественныхъ началъ

Въ Америкѣ. Америка отстала:
Въ ней собственность царитъ и капиталъ.
Британія строй жизни запятнала
Законностью. А я ужъ доказалъ:
Законность есть народное стѣсненье,
Гнуснѣйшее межъ всѣми преступленье!

Нѣтъ, господа! Россіи предстоитъ,
Соединивъ прошедшее съ грядущимъ,
Создать, коль смѣю выразиться, видъ,
Который называется присущимъ
Всѣмъ временамъ, и, ставъ на сей гранитъ,
Имущимъ, такъ сказать, и неимущимъ
Открыть родникъ взаимнаго труда.
Надѣюсь, вамъ понятно, господа?

Раздался въ залѣ шепотъ одобренья,
Министръ поклономъ легкимъ отвѣчалъ,
И тутъ же съ видомъ, полнымъ снисхожденья,
Онъ обходитъ обширный началъ залъ:
— Какъ вамъ? Что вы? Здорова-ли Евгенья
Семеновна? Давно не заѣзжалъ
Я къ вамъ, любезный Сидоръ Тимофѣичъ!
Ахъ, здравствуйте, Елпидифоръ Сергѣичъ!

Стоялъ въ углу, плюгавъ и одинокъ,
Какой-то тамъ коллежскій регистраторъ.
Онъ и къ тому, и тѣмъ не пренебрегъ:
Взялъ подъ руку его:—Ахъ, Антипаторъ
Васильевичъ! Что, какъ вашъ кобелекъ?
Здоровъ-ли онъ?.. Вы ѣздите въ театръ?
Что вы сказали? Все болитъ животъ?
Ахъ, какъ мнѣ жаль! Но ничего, пройдетъ!

Переходя налѣво и направо,
Свои министръ такъ перлы расточалъ;
Иному онъ подмигивалъ лукаво,
На консоме другого приглашалъ—
И ласково смотрѣлъ и величаво.
Вдругъ на Попова взоръ его упалъ,
Который, скрытъ экраномъ лишь по-поясъ,
Исхода ждалъ, немного безпокоясь.

Стоялъ въ углу, плюгавъ и одинокъ
Какой-то тамъ коллежскій регистраторъ.

— Ба! Что я вижу!? Титъ Евсѣичъ здѣсь!
Такъ, такъ и есть! Его мы точность знаемъ!
Но отчего-жъ онъ виденъ мнѣ не весь
И заслоненъ какимъ-то попугаемъ!
Престранная выходитъ это смѣсь!
Я любопытствомъ очень подстрекаемъ
Увидѣть ваши ноги... Да, да, да,
Я васъ прошу, пожалуйте сюда!

Колеблясь межъ надеждой и сомнѣньемъ,
Какъ на его посмотрятъ туалетъ,—
Поповъ наружу вылѣзъ. Въ изумленьи
Министръ приставилъ къ глазу свой лорнетъ.
— Что это? Правда или навожденье?
Никакъ на васъ штановъ, любезный, нѣтъ?
И на чертахъ изящно благородныхъ
Гнѣвъ выразилъ ревнитель правъ народныхъ,

— Что это? Правда или навожденье?
Никакъ на васъ штановъ, любезный, нѣтъ?

— Что это значитъ? Гдѣ вы рождены?
Въ Шотландіи? Какъ вамъ пришла охота
Тамъ, за экраномъ, снять съ себя штаны?
Вы начитались вѣрно Вальтеръ-Скота,
Иль классицизмомъ вы заражены,
И римскаго хотите патріота
Изобразить? пль (Боже упаси!)
Собой бюджетъ представить на Руси?!

И былъ министръ еще во гнѣвѣ краше,
Чѣмъ въ милости. Чреватый отъ громовъ
Взоръ заблестѣлъ. Онъ продолжалъ:—Вы наше
Довѣрье обманули. Много словъ
Я тратить не люблю!—Ва-ва-ва-ваше
Превосходительство! залепеталъ Поповъ:
Я не сымалъ,.. Свидѣтели курьеры,
Я прямо такъ пріѣхалъ изъ квартеры!

— Вы, милостивый, смѣли, государь,
Пріѣхать такъ? Ко мнѣ? На поздравленье?
Въ день ангела? Безнравственная тварь!
Теперь твое я вижу направленье!
Вонъ съ глазъ монхъ! Иль нѣту—секретарь!
Пишите къ прокурору отношенье:
Совѣтникъ Титъ Евсѣевъ сынъ Поповъ
Всѣ ниспровергнуть власти былъ готовъ,—

Но, строгому благодаря надзору
Такого-то министра—имярекъ—
Отечество спаслось отъ заговору,
И нравственность не сгинула на вѣкъ.
Подъ стражей нынѣ шлется къ прокурору
Для слѣдствія сей вредный человѣкъ,
Дерзнувшій снять публично панталоны;
Да поразятъ преступника законы.

Иль нѣтъ, постойте! Коль отдать подъ судъ,
По дѣлу выйти можетъ послабленье,
Присяжные-безштанники спасутъ
И оправдаютъ корень возмущенья;
Здѣсь слишкомъ громко нравы вопіютъ—
Пишите прямо въ Третье Отдѣленье:
Совѣтникъ Титъ Евсѣевъ сынъ Поповъ
Всѣ ниспровергнуть власти былъ готовъ.

Онъ поступилъ законамъ такъ противно,
На общество такъ явно поднялъ мечъ,
Что пользу можно-бъ административно,
Изъ неглиже изъ самаго извлечь.
Я жертвую агентамъ по двѣ гривны,
Чтобы его—но спрашиваю рѣчь—
Чтобъ мысли тамъ внушить ему иныя.
Затѣмъ, ура! Да здравствуетъ Россія!

Министръ кивнулъ мизинцемъ. Сторожа
Взявъ подъ руки несчастнаго Попова,
Стыдливостью его не дорожа,
Они его, отъ Невскаго, Садовой,
Средь смѣха, крика, чуть не мятежа,
Къ Цѣпному мосту привели, гдѣ новый
Стоитъ на видъ весьма красивый домъ,
Своимъ извѣстный праведнымъ судомъ.

Одинъ оставшись въ небольшой гостиной,
Поповъ сталъ думать о своей судьбѣ:
— А казусъ вышелъ, кажется, причинный!
Кто-бъ это могъ вообразить себѣ?
Попался я въ огонь, какъ снопъ овинный!
Вѣдь искони того еще не бѣ,
Чтобы меня кто въ этомъ видѣ встрѣтилъ,
И какъ швейцаръ проклятый не замѣтилъ.

Но дверь отверзлась, и явился въ ней
Съ лицомъ почтеннымъ, грустію покрытымъ,
Лазоревый полковникъ. Изъ очей
Катились слезы по его ланитамъ.
Обильно ихъ струящійся ручей
Онъ утиралъ платкомъ, узоромъ шитымъ,
И про себя шепталъ.—Такъ! Это онъ!
Такимъ онъ былъ едва лишь изъ пеленъ!

— О, юноша, онъ продолжалъ, вздыхая,
(Попову было слишкомъ сорокъ лѣтъ):
Моя душа для вашей не чужая!
Я въ тѣ года, когда мы ѣздимъ въ свѣтъ,
Зналъ вашу мать. Она была святая!
Такихъ, увы!—теперь ужъ болѣ нѣтъ!
Когда-бъ она досель была къ вамъ близко,
Вы-бъ не упали нравственно такъ низко!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Примѣчаніе Редакціи: „Сонъ статскаго совѣтника Попова“ былъ напечатанъ въ декабрьской книжкѣ „Всемірнаго Вѣстника“ съ такими вопіющими отступленіями отъ подлинника, что мы сочли нужнымъ предложить его нашимъ читателямъ въ возстановленномъ по подлиннику видѣ.

Мысли и афоризмы Ѳомы Пруткова.

1.

Если ты не уменъ: зачѣмъ завидуешь прокурорамъ?

2.

Домохозяину: кто мѣшаетъ тебѣ передѣлать въ тюрьму пустующій домъ?

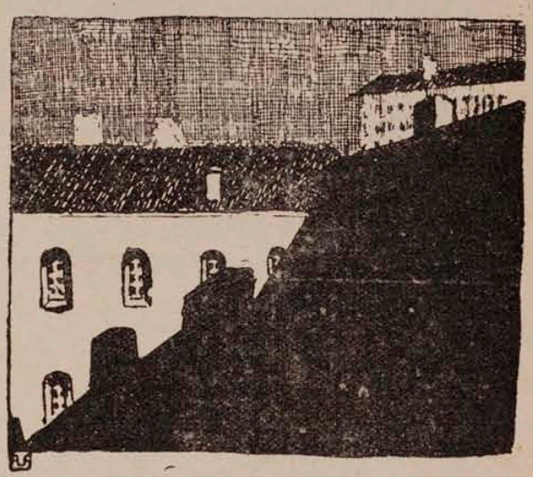
3.

Не думай, что ты невиненъ: ты можешь разочароваться!

4.

Долгое заключеніе дополняетъ краткое издательство.

Андрей Леонидовъ.



Басни Крылова.

Марья Гавриловна Савина, другъ дѣтства всѣхъ русскихъ писателей, въ томъ числѣ и дѣдушки Крылова, увѣряетъ, что нѣкоторыя басни знаменитаго баснописца имѣли вначалѣ другія заглавія.

Такъ, напримѣръ, назывались иначе басни „Буренинъ и соловей“, „Сочинитель и Суворинъ“.

Басня „Рыбьи пляски“ была озаглавлена „Сенаторская ревизія“, а „Заяцъ на ловлѣ“ носила названіе: „Кадеты“.

Кромѣ того, почтенная артистка выразила свое недоумѣніе по поводу того, что до сихъ поръ не вошла въ собраніе сочиненій покойнаго: слѣдующая басня Андрея Леонидова:

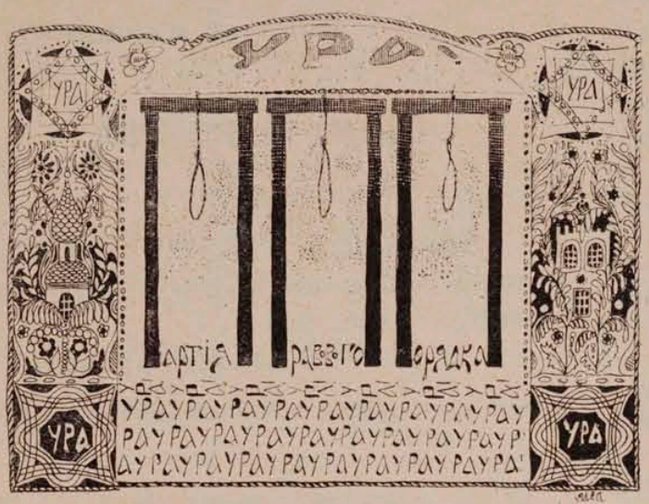
Горькій и Собака.

(Продолженіе басни Горькаго, помѣщенной въ „Жупелѣ“ № 3).

...И снова теплымъ вечеркомъ,
Когда луна была краснѣе мака,
Гулялъ Максимъ и видитъ подъ кустомъ
Лежитъ знакомая издохшая Собака...
Къ ней состраданіемъ томимъ,
Онъ подошелъ... Какъ вдругъ Собака
Возговорила тако!
„Хвала тебѣ, Максимъ!“.

О. Л. Д'оръ.

НАШИ ПАРТІИ.



П. П. П.

У спасателя Россіи.

„Я знаю, какъ спасти Россію“ Гр. Витте.

Мы благоразумно скрыли, что мы журналисты и послали графу Витте карточку, на которой было напечатано:

Двогородный братъ
повара барона Ротшильда.
Содержатель Судной Кассы.

Не прошло и минуты, какъ къ намъ вылетѣлъ премьеръ, представился, взялъ насъ подъ руку, предложилъ сигару и, привѣтливо улыбаясь, спросилъ:

— Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Вы изволили сказать, что знаете, какъ спасти Россію, не угодно-ли будетъ вашему сіятельству...

Но графъ прервалъ меня и торопливо заговорилъ:

— О, да, да! Россія скоро будетъ спасена. Можете быть спокойны. Будущій заемъ...

И онъ молитвенно прибавилъ:

— Не можете-ли вы по этому поводу замолвить словечко его превосходительству повару барона Ротшильда?..

— Хорошо, замолвлю. Только вотъ, ваше сіятельство, мнѣ хотѣлось бы знать, какъ вы собираетесь спасти Россію?

— Очень просто! Во-первыхъ, нужно истребить инородцевъ.

— Всѣхъ?

— Всѣхъ!

— Останутся, значитъ, одни русскіе?

— Ну, не совсѣмъ! Среди русскихъ теперь прочнѣе всѣхъ засѣла крамола, и когда истребимъ вокругъ нихъ всѣ народы, мы начнемъ фильтровать и ихъ.

— Какъ, фильтровать?

— Да такъ. Дубасову прикажемъ разстрѣлять всѣхъ рабочихъ — пренеспокойный народъ! Курловъ загонитъ въ театры всѣхъ студентовъ, курсистокъ, вообще учащихся безъ различія пола и вѣроисповѣданія (все таки свобода совѣсти!) и сожжетъ ихъ. Клейгельсъ разстрѣляетъ солдатъ. Чухнинъ матросовъ.

— Кто-же останется?

— Останутся министры, государственный совѣтъ и институтъ дворниковъ. И (вдохновенно прибавилъ графъ) на Руси воцарится такое спокойствіе, такое спокойствіе... Россія будетъ спасена.

Я такъ вдохновился рѣчами премьера, что неожиданно для самаго себя воскликнулъ:

— Знаете, графъ, у меня также есть средство для спасенія Россіи.

— Какое?

Подайте, графъ, въ отставку...

Наступила пауза. Вдругъ премьеръ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и крикнулъ:

— Вы меня надули, вы—журналистъ!

Мы съ мукденской быстротою генерала Каульбарса поспѣшили уйти.

О. Л. Д'Оръ.

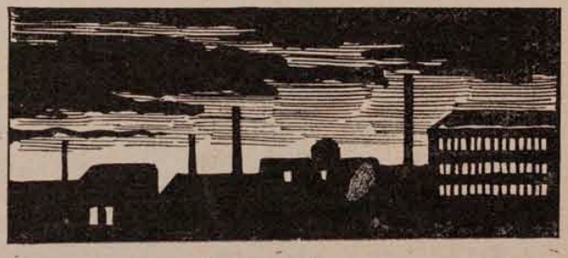
Изъ Апухтина.

Ночи безумныя, ночи безсонныя,
Обыски странныя, рожа ехидная,
Ящики вскрытые, письма прочтенныя,
Рускаго жителя доля завидная.

* * *

Пусть даже власти рукой предержащею
Мнѣ обѣщали свободу случайную,
Все же смущаюсь душою дрожащею,
Все ожидаю ревизію тайную.

Баронъ Ondit.



Гороховое пальто.

Опытъ историческаго изслѣдованія:

Откуда взялось реченіе: „гороховое пальто„? Въ наши дни слова эти пріобрѣли сугубое распространеніе и значеніе символическое. Часто человѣка въ славной, солидной шубѣ зовутъ „субъектомъ въ гороховомъ пальто“; можно ходить вовсе безъ пальто и называться носителемъ гороховаго пальто; иной блестящій мундиръ, покроемъ своимъ ни съ какой стороны не напоминающій пальто и никакъ не гороховаго цвѣта, именуется гороховымъ пальто. Почему гороховое пальто пользуется такой популярностью? Почему этотъ скромный, отнюдь не яркій цвѣтъ такъ привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе? Когда и почему осѣнила слава скромное гороховое пальто? На сіе отвѣтъ даетъ исторія, и стоитъ только погрузиться въ пучину временъ, дабы легко постигнуть тайну происхожденія сего соціологическаго термина.

„Спектръ гороховаго пальто“ не разъ мелькалъ предъ взоромъ незабвеннаго Михаила Евграфовича Салтыкова. Обезсмертили же гороховое пальто и выдвинули его на историческое поприще Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, не читаемый въ наше время, украшенное цѣлой плеядою писателей, затмившихъ Булгарина, и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, произведенія блистательнаго пера коего и донынѣ не страшатся сокрушающаго зуба времени. А именно. У Пушкина легендарный творецъ „Исторіи села Горохина“, пылая жаждою свести знакомство съ кѣмъ-либо изъ корифеевъ отечественной словесности, встрѣчается въ кондиторской съ личностью въ *гороховой шинели*, которую бывшая тамъ публика приняла за „сочинителя Б....“ („Сочиненія А. С. Пушкина“, изданіе литер. фонда, Спб., 1887, IV, 96—97). Въ черновой программѣ „Исторіи села Горохина“ эпизодъ сей отмѣченъ словами: Встрѣча съ Булг. (Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина, проф. И. А. Шляпкина, СПБ, 1903, стр. 47). „Булг.“, конечно, Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, издатель тѣхъ неувядающихъ литературскихъ традицій, которыя достойно поддерживаютъ Грингмутъ, А. С. Суворинъ, Крушеванъ, Столыпинъ и прочіе приверженцы основанной Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ почтенной литературной школы. Не излишне замѣтить, что въ русской литературѣ славилась во дни оны и *фризовая шинель*. Человѣкъ во фризовой шинели подаетъ прошеніе его высокоблагородію свѣтлости И. А. Хлестакову („Ревизоръ“ Н. В. Гоголя, актъ III); описывая ночныя похороны Пушкина, гробъ котораго былъ окруженъ сыщиками, П. П. Огаревъ (поэма „Юморъ“) говоритъ, что „къ нему на похороны щли лишь люди въ фризовой шинели“. Но фризовая шинель забыта, а гороховое пальто и поднесь славится въ потомствѣ, ибо возлежало на плечахъ Булгарина и попало въ произведенія Пушкина, находящагося въ зенитѣ оной. Терминъ „гороховое пальто“ пустилъ столь глубокія корни въ памяти народной, что она суевѣрно принимаетъ статскъ-секретарскій мундиръ графа С. Ю. Витте или бобровую шубу академика И. И. Янжула за гороховое пальто. Сіе легковѣріе неизвинительно.

Николай Книжникъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Не откажите напечатать въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ, что я не воръ.

С. Александровскій,

бывшій главноуполномоченный Краснаго Креста.

Къ С. С. Татищеву, устраненному отъ редактированія газеты „Правительственный Вѣстникъ“, до сихъ поръ еще не предъявлено никакого обвиненія. Типографія пока не запечатана. Однако, редакція запаслась уже разрѣшеніемъ на право изданія газеты „Русское Государство“, которая будетъ выходить въ томъ же направленіи и при томъ же составѣ сотрудниковъ.

Какъ извѣстно „Правительственный Вѣстникъ“ одинъ изъ первыхъ напечаталъ Манифестъ 17 октября.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВЕЧЕРА

I.

Рис. А. Любимова.

Александръ Амфитеатровъ.

Баллада.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко...

Гейне.

Въ „*Московскихъ Доносахъ*“ сидитъ одиноко
Отчизны сынъ вѣрный Грингмутъ
И дремлетъ, качаясь, и въ смертной истомѣ
Ждетъ, скоро ль арендѣ капутъ.
И снится ему:—въ Петербургѣ холодномъ,
Гдѣ лихо чиновникъ живетъ,
Суворинъ съ Мещерскимъ, какъ встарь, съ объявленій
Казенныхъ сбираютъ доходъ.

Н. Л.

Наши корреспонденціи.

Одесса. Генералъ Карангозовъ, временный помпадуръ города Одессы, объявилъ, что будетъ штрафовать въ 3000 р. каждаго продавца газетъ, который будетъ продавать „запрещенные“ газеты и журналы. Были уже случаи, что мальчишки, продающія на улицахъ газеты уплачивали въ день штрафу по 30 тысячъ рублей и болѣе. Деньги эти поступаютъ непосредственно къ генералу Карангозову. Куда онъ ихъ направляетъ, неизвѣстно. Временный генералъ-губернаторъ отчета еще до сихъ поръ не напечаталъ.

О. Шеръ.

Заемщики.

Ой темна, унылa смѣтушка,
Нѣтъ въ проектѣ ни шиша,
Пожалѣй, моя сосѣдушка,
Сердобольная душа.

Не обидь, дружокъ, монетою,
Раскошелься, не скупись,
Дай управиться со смѣтою,
Дай подняться рентѣ ввысь.

Вѣдь процентики не малые
Соберешь потомъ ты съ насъ,
Какъ войска наши удалыя
Завоюютъ нашъ Кавказъ,

Какъ Сибирь накажутъ снѣжную,
Польшу гордую смятутъ
И Лифляндію мятежную
Къ подчиненью приведутъ...

. . . . . .

Знаютъ только боги самые,
Да, пожалуй, телеграфъ,
Какъ сосѣдушка упрямая
Свой показывала нравъ.

Вилли.

Редакторъ-издатель В. Е. Турокъ.

Готовится къ выходу въ свѣтъ новая книга КОРНѢЯ ЧУКОВСКАГО:

Литературные очерки **„НЕ КСТАТИ„** Литературные очерки

Содержаніе: Поэзія мѣщанства.—Мережковскій и чортъ.—Леонидъ Андреевъ.—„Поединокъ" Куприна.—Нацыщенное безсиліе (Семенъ Юшкевичъ).—Объ Арцыбашевѣ.—Памяти Евг. Соловьева.—Жертва русской революціи (Вл. Короленко).—Безпочвенный почвенникъ (А. Л. Волынскій).—Власъ Дорошевичъ.—О чеховскомъ жизнечувствованіи.—Толстой и интеллигенція. Бельтовъ и Валерій Брюсовъ.

Цѣна 1 руб.

Отъ Редакціи. Въ портфелѣ редакціи находятся новыя произведенія М. Арцыбашева, А. Куприна и В. И. Немировича-Данченко, которыя будутъ помѣщены въ ближайшихъ номерахъ нашего журнала.

Сознавая вполнѣ необходимость **культурнаго** сатирическаго журнала, посвященнаго не двумъ-тремъ лицамъ, не двумъ-тремъ событіямъ, а **внутреннему, бытовому, общественному** укладу нашей родины, мы пригласили къ участію въ нашемъ журналѣ

Вас. Ос. 13 лин., д. 2. **„Сигналы"** **Телефонъ № 20652.**

слѣдующихъ литераторовъ и художниковъ: Allegro (П. С. Соловьева). В. А. Анзиміровъ. М. П. Арцыбашевъ, кн. В. В. Барятинскій. (Баронъ Ondit.) К. Барвинокъ, Б. И. Бентовинъ (Импрессіонистъ), Валерій Брюсовъ, Л. Василевскій, Зинаида Венгерова, Л. Вилькина, Л. Габриловичъ (Леонидъ Галичъ), О. Дымовъ, В. Ермиловъ, В. Жаботинскій (Владиміръ. Ж.), Карменъ, Квидамъ (псевд.), А. И. Косоротовъ, Кулябко-Корецкій, А. И. Купринъ, Lolo, Вл. Ладыженскій, А. Любимовъ, Н. М. Минскій, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, И. О. Осиповъ, А. де-Пальдо, С. Ф. Плевако, М. Пустынинъ, М. Свободинъ, Скиталецъ (О. Яковлевъ), Ѳедоръ Сологубъ, Е. В. Святловскій, В. А. Тихоновъ (Мордвинъ), В. Е. Турокъ, Тэффи, Ф. Н. Фальковскій, А. М. Хирьяковъ, Н. Н. Ходотовъ, В. В. Чеховъ, К. Чуковскій, О. Н. Чюмина (Оптимистъ) и мн. др.

Открыта подписка на 1906 г.—Цѣна на годъ 3 руб. со всѣми приложеніями.

Редакторъ принимаетъ ежедневно, кромѣ среды, отъ 12—2 часовъ.

Типографія Л. В. Гутмана. Калашниковскій пр., д. № 15.

Цѣна 10 коп

1906

Цѣна 10 коп.

СИГНАЛЫ

С.-Петербургъ, В.О. 13 л. 2.

ВЫПУСКЪ 4

Сонъ статскаго совѣтника Попова.

САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

Графа А. К. Толстого.

(Окончаніе) *).

Но, юный другъ, для набожныхъ сердецъ
Къ отверженнымъ не можетъ быть презрѣнья,
И я хочу вамъ быть второй отецъ,
Хочу вамъ дать для жизни наставленье.
Заблудшихъ такъ приводимъ мы овецъ
Со дна трущобъ на чистый путь спасенья!
Откройтесь мнѣ, равно какъ на духу:
Что привело—васъ къ этому грѣху?

Конечно, вы пришли къ нему не сами,
Характеръ вашъ невиненъ, чистъ и прямъ!
Я помню, какъ дитей за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугамъ!
Нѣтъ, юный другъ, вы ложными друзьями
Завлечены! Откройте же ихъ намъ!
Кто вольнодумцы? Всѣхъ ихъ назовите,
И собственную участь облегчите!

Что слышу я? Ни слова? Иль пустить
Уже успѣло корни въ васъ упорство?
Тогда должны мы будемъ приступить
Ко строгости, увы, и непокорство,
Сколь намъ ни больно, въ васъ искоренить!
О, юноша! Какъ сердце ваше черство!
Въ послѣдній разъ: хотите-ли всю рать
Завлекшихъ васъ сообщниковъ назвать?

Къ нему Поповъ достойно и наивно:
— Я, господинъ полковникъ, я-бы вамъ
Ихъ радъ назвать, но мнѣ, ей-Богу, дивно...
Возможно-ли сообщничество тамъ,
Гдѣ преступленье чисто негативно?
Вѣдь панталонъ-то не надѣлъ я самъ!
И чѣмъ-бы тамъ меня вы ни пугали—
Другіе мнѣ, клянусь, не помогали!

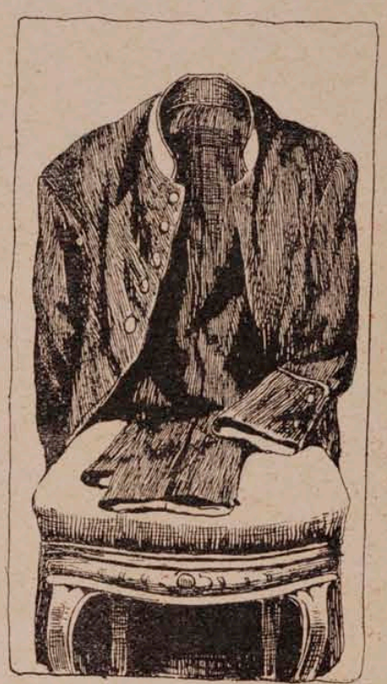
— Не мудрствуйте, надменный санкюлотъ!
Свою вину не умножайте ложью!
Сообщниковъ и гнусный вашъ комплотъ
Повергните къ отечества подножью!
Когда-бъ вы знали, что теперь васъ ждетъ,
Васъ проняло бы ужасомъ и дрожью!
Но дружбу вы, чтобъ вѣдали мою,
Одуматься я время вамъ даю!

Здѣсь на столѣ, смотрите, вамъ готово
Достаточно бумаги и чернилъ:
Пишите же—не-то, даю вамъ слово:
Чрезъ полчаса васъ изо всѣхъ мы силъ...
Тутъ ужасъ вдругъ такой объялъ Попова,
Что страшную онъ подлость совершилъ:
Пошелъ строчить (какъ люди въ страхѣ гадки!)
Именъ невинныхъ многіе десятки.

Явились тутъ на нѣсколькихъ листахъ:
Какой-то Шмидтъ, два брата Шулаковы,
Зерцаловъ, Палкинъ, Савичъ, Розенбахъ,
Потанчиковъ, Гудимъ-Бодай-Корова,
Делаверганжъ, Шульгинъ, Страженко, Драхъ,
Грай-Жеребецъ, Бабковъ, Ильинъ, Багровый,
Мадамъ Гриневичъ, Глазовъ, Рыбинъ, Штихъ,
Бурдюкъ-Лишай—и множество другихъ.

Поповъ строчилъ сплеча и безъ оглядки,
Попали въ списокъ лучшіе друзья,
Я повторю—какъ люди въ страхѣ гадки.
Начнутъ, какъ Богъ, а кончатъ, какъ свинья!
Строчилъ Поповъ, строчилъ во всѣ лопатки.
Такая вышла вскорѣ ектенья,
Что, прочитавъ, и самъ онъ ужаснулся,
Вскричалъ: фуй, фуй! задрыгалъ—и проснулся.

Небесный сводъ сіялъ такъ юнъ и новъ,
Весенній день глядѣлъ въ окно такъ веселъ,
Висѣла пара форменныхъ штановъ
Съ мундиромъ купно черезъ спинку креселъ,
И въ радости увѣрился Поповъ,
Что ихъ Иванъ тамъ съ вечера повѣсилъ—
Однимъ скачкомъ покинулъ онъ кровать
И началъ ихъ въ восторгѣ надѣвать.



Висѣла пара форменныхъ штановъ
Съ мундиромъ купно черезъ спинку креселъ.

— То былъ лишь сонъ! О, счастіе! о, радость!
Моя душа какъ этотъ день ясна!
Не сдѣлалъ я Бодай-Коровѣ гадость!
Не выдалъ я агентамъ Ильина!
Не наклепалъ на Савича! О, сладость!
Мадамъ Гриневичъ мной не предана!
Страженко цѣлъ, и братья Шулаковы
Постыдно мной не ввержены въ оковы!

Но ты никакъ, читатель, возстаешь
На мой разсказъ? Твое я слышу мнѣнье:
Сей анекдотъ, пожалуй, и хорошъ,
Но въ немъ сквозитъ дурное направленье.
Все выдумки, нѣтъ правды ни на грошъ!
Слыхалъ-ли кто такое обвиненье,
Что-молъ такой то—встрѣченъ безъ штановъ,
Такъ ужъ и власти свергнуть онъ готовъ.

И гдѣ такіе виданы министры?
Кто такъ изъ нихъ толпѣ кадить-бы могъ?
Я допущу: успѣхи наши быстры,
Но гдѣ-жъ у насъ министръ-то демагогъ?
Пусть проберутъ всѣ списки и регистры,
Я пять рублей (*бумажныхъ*) дамъ въ залогъ:
Быть можетъ, ихъ во Франціи не мало,
Но на Руси ихъ нѣтъ—и не бывало!

*) См. „Сигналы“ № 3.

И что это, помилуйте, за домъ,
Куда Поповъ отправленъ въ наказанье?
Что за допросъ? Какимъ его судомъ
Стращаютъ тамъ? Гдѣ есть такое зданье?
Что за полковникъ выскочилъ? Во всемъ,
Во всемъ замѣтно полное незнанье
Своей страны, обычаевъ и лицъ,
Встрѣчаемое только у дѣвицъ.

А наконецъ—и самое вступленье:
Ну, есть-ли смыслъ, я спрашиваю въ томъ,
Чтобъ въ день такой, когда на поздравленье
Къ министру всѣ съѣзжаются гуртомъ,
Съ Поповымъ вдругъ случилось помраченье,
И онъ такимъ одѣлся-бы шутомъ?
Забыться можетъ галстухъ, орденъ, пряжка—
Но пара брюкъ—нѣтъ это ужъ натяжка!
И могъ-ли онъ такъ ѣхать? Могъ-ли въ залъ
Войти, одѣтъ какъ древніе герои?
И гдѣ резонъ, чтобъ за экранъ онъ сталъ
Никѣмъ не зримъ? возможно-ли такое?..
— Ахъ, батюшка-читатель, что пристalъ!?
Я не Поповъ? Оставь меня въ покоѣ!
Резонъ-ли въ этомъ, или не резонъ—
Я за чужой не отвѣчаю сонъ!

Конецъ.

Въ редакцію доставлено неизвѣстнымъ лицомъ слѣдующее не лишенное интереса сообщеніе изъ частной жизни членовъ партіи:

Раннимъ утромъ встаетъ соціалъ-демократъ,
Членъ „великой россійской единой“,
Буржуазную плоть въ пролетарскій халатъ
Облекаетъ съ суровою миной.

Поплескавши на *личность* небрежно водой
И подумавъ о *массѣ* при этомъ,
Опускается онъ предъ иконой святой,
Предъ великаго Маркса портретомъ.

„О великій учитель“, молился эс-де,
Ты, чья догма на вѣкъ непреложна,
Ты, чья схема всегда справедлива вездѣ,
Чьи слова измѣнить невозможно.

Повели, чтобъ эс-эры не знали побѣдъ,
Чтобъ эс-эровъ разрушились козни,
Чтобы сами младенцы смотрѣли на свѣтъ
Съ точки зрѣнія классовой розни.

Повели, чтобы скверный „аграрный вопросъ“,
Сталъ скорѣе аграрнымъ отвѣтомъ,
И устрой это такъ, чтобъ отчаянный носъ
Получили эс-эры при этомъ.

Повели, чтобъ въ деревни проникъ капиталъ,
Чтобы крупное ввелъ производство,
Чтобъ скорѣй отъ земли мужика оторвалъ,
Давъ ему съ пролетаріемъ сходство.

Такъ молился эс-дека, возставши отъ сна,
Но въ отвѣтъ на мольбу соціала,
Молвилъ Марксъ: Отойди отъ меня сатана
И прочти третій томъ „Капитала“.

Рис. Алек. Арн—мъ.

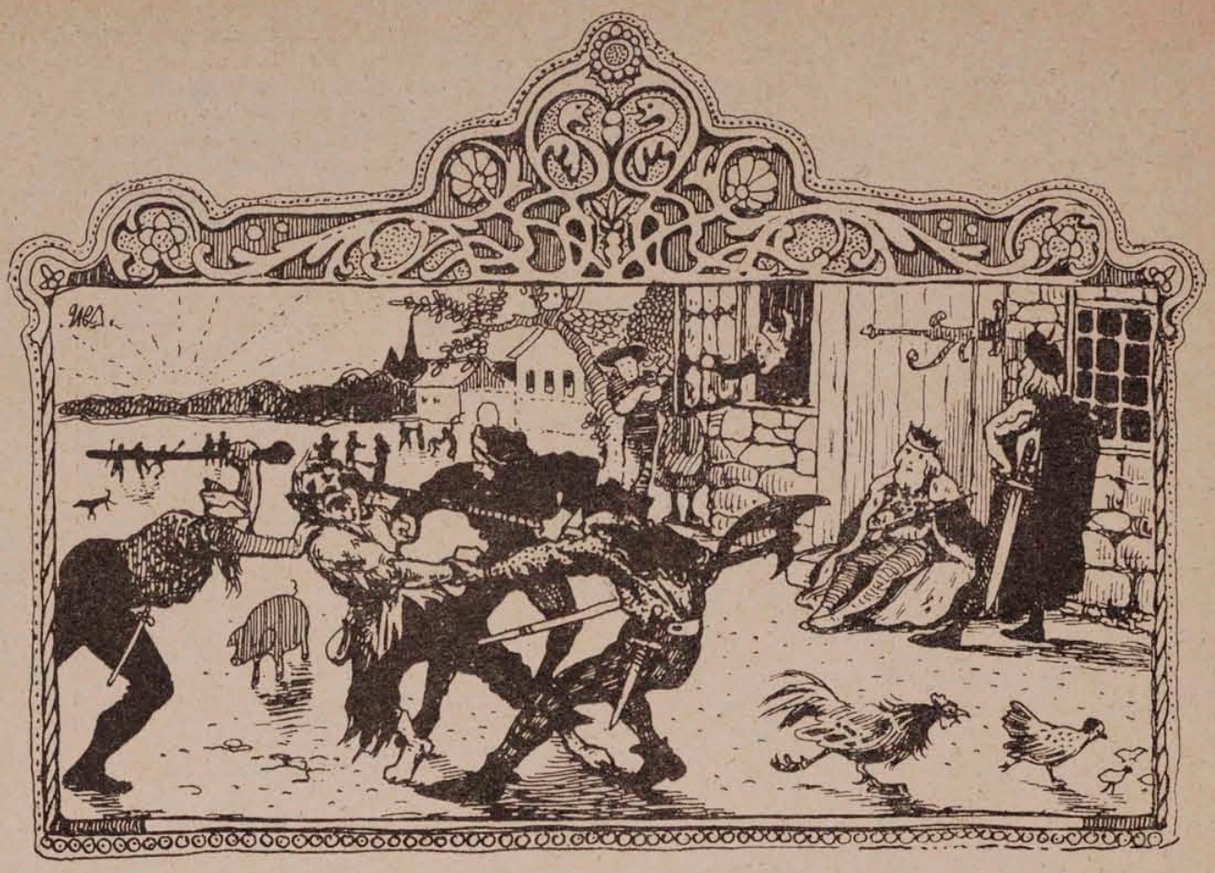


Рис. А. Иванова.

ПѢСНЯ ПИППЫ.

(Изъ драмы Роберта Браунинга „Пиппа проходитъ мимо", актъ III, сц. I).

На зарѣ вселенной близко
Къ небесамъ была земля.
Жилъ король тогда, и низко
Вились кудри короля.

Надъ челомъ бѣлоснѣжнымъ и нѣжнымъ,
Какъ чело у вола безмятежнымъ,
Развѣвались власы короля.

Вѣчно спалъ онъ, и безпечно
Жизнь его текла впередъ.
И, сдавалось, безконечно
Онъ на свѣтѣ проживетъ.

Смерть спящихъ царей не нужна вамъ, о боги
Пусть вѣчно живетъ онъ, не зная тревоги,
Пусть вѣчно и вѣчно живетъ!

Онъ на солнцѣ у порога
Часто сиживалъ дремля,
И влекли подъ сѣнь чертога
Передъ очи короля

Дрожащихъ воровъ и убійцъ, и убогихъ
И смуглыхъ пиратовъ безмолвныхъ и строгихъ
Къ суду мудреца-короля.

И, порою прибѣгая
Предъ лицо его, попы
Выводили, проклиная,
Святотатца изъ толпы

Того, кто, какъ червь, извиваясь ползущій
Пробрался блѣднѣя въ церковныя кущи,
И нынѣ добыча толпы.

— „Этотъ разъ намъ выданъ чудомъ.
Самъ Господь его поймалъ
Вмигъ, когда къ завѣтнымъ блюдамъ
Онъ десницу простиралъ...

И всѣхъ—любодѣя, убійцу и вора
Король правосудьемъ дарилъ безъ разбора
И тихо на солнцѣ дремалъ.

И министры вкругъ входили,
Часто хмурились, а онъ
Съ ликованьемъ на ликѣ
Былъ улыбкой озаренъ.

Но вотъ, огнеликій, громами гремящій,
И взоромъ очей города пепелящій,
Надъ міромъ пронесся Пиѳонъ.

И, неся въ отвагѣ дикой
Смерти бѣшенный пожаръ,
Онъ заноситъ надъ владыкой
Оглушительный ударъ.

Но тотъ засыпая съ улыбкой взираетъ,
И вѣтеръ его волосами играетъ,
И слабъ онъ, владыка, и старъ.

И Пиѳонъ боговъ прославилъ
И не тронулъ короля,
А король и дальше правилъ,
Улыбаясь и дремля.

Такъ тихи бывали душой несмятенной
Владыки народовъ на утрѣ вселенной.
О, Боже, храни короля.

К. Чуковскій.

Рис. А. Иванова.

Русскіе типы: **Безработные.**

Въ редакціи.

...Редакторъ устало поднялъ глаза и сказалъ сотруднику:

— Что? Вы принесли статью по внутреннимъ вопросамъ. Нѣтъ, ужъ благодарю покорно... Вы не слышите? Позвонили? Это, навѣрно, приставъ.

— Вы ошибаетесь: никакого звонка не было. Вотъ матеріалъ.

— Знаю я ваши статьи! Не оберешься съ ними хлопотъ. Что это у васъ? Какія-то цыфры? Опять изъ статистики. Нельзя!

— Это не статистика, а самое простое росписаніе поѣздовъ.

— Росписаніе поѣздовъ?.. это хорошо *(редакторъ улыбнулся)* это очень хорошо! И злободневно, и интересно. А главное, не попадешь въ тюрьму. Вы не знаете, до чего мнѣ надоѣли тюрьмы! Кажется, звонятъ.

Оба напряженно прислушались.

— Нѣтъ, кажется, пронесло на этотъ разъ— облегченно сказалъ редакторъ, ну давайте просмотримъ вмѣстѣ.

— Помилуйте! Что тутъ смотрѣть! Росписаніе поѣздовъ Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги. Вѣдь здѣсь комаръ носу не подточитъ.

— Вы думаете? Охъ, какъ вы молоды, какъ вы молоды.

И редакторъ развернулъ передъ собой статью.

Внутреннее обозрѣніе

Росписаніе поѣздовъ Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д.

Поѣзда, отходящіе изъ Петербурга—съ 15 (28) октября.

Въ Витебскъ: 10 ч. 30 м. у. (тов.-пасс.), 6 ч. 30 м. (почт.) и 10 ч. в. (скор.); въ Кіевъ (черезъ Витебскъ—Жлобинъ—Бахмачъ): 10 ч. 30 м. у. и 10 ч. в.; въ Жлобинъ (чрезъ Витебскъ): 10 ч. 30 м. у. и 10 ч. в.; въ Псковъ (чер. Дно): 10 ч. в.; въ Ст. Руссу (чер. Дно); 6 ч. 30 м. в.; Павловскъ (стар. вокзалъ): 7 ч., 8 ч., 9 ч,. 10 ч., 11 ч. 10 м. у., 1 ч., 3 ч., 4 ч. 15 м., 5 ч., 5 ч. 45 м. д., 7 ч. 30 м., (1—4 кл.). 9 ч. 30 м., 11 ч. в. (1—4 кл.). 12 ч. 15 м. и 1 ч. 5 м. н.; (новый вокзалъ): 10 ч. 30 м. у. и 6 ч. 30 м. в.

Редакторъ взялъ въ руки карандашъ и сталъ вычеркивать.

— Принесенная вами статья очень хороша, но ее необходимо сократить: у меня дѣти и мать. Нусъ, начать съ того, что слово „росписаніе“ употреблено здѣсь вами совершенно не у мѣста.

— Но вѣдь...

— Не у мѣста. Вѣдь это ясный намекъ на государственную роспись доходовъ. Нѣтъ, подобныя шутки совершенно не умѣстны.—Вычеркиваемъ. „Поѣздовъ“ ну это можно оставить. Въ крайнемъ случаѣ, если придерутся, скажемъ, что такая фамилія—г. Поѣздовъ. Слово „Московско“ конечно устраняется.

— Почему? Вѣдь это не преступленіе. Вонъ и Пушкинъ сказалъ: Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось“.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВЕЧЕРА

II.

Рис. А. Люлимова

А. И. Купринъ.

— Къ чорту Пушкина! Звонятъ? Что мнѣ Пушкинъ! Мнѣ нужна розница въ Москвѣ, а не Пушкинъ!

— А „Виндаво“?

— И Виндаву къ черту. Вы забыли, что дѣлается въ Прибалтійскомъ краѣ.

— Этакъ нельзя. Я получаю построчно и если...

— Вы меня подъ ножъ подводите – какія тамъ построчныя? насъ обвинятъ въ возбужденіи части населенія противъ другой. Вамъ же хуже. Кто писалъ статью?.. Такой то. А подать сюда такого-то.

— Помилуйте, я этого не писалъ, это въ „Указателѣ дорогъ“.

— Ага! значитъ, кромѣ того, еще и кража чужой собственности, плагіатъ. Луше уже молчите.

Ну, вычеркивайте — уныло согласился сотрудникъ.

— Далѣе: „Рыбинской ж. д.“. Что это значитъ „ж. д.“?

— Это...

— Знаю, знаю. Но надо пояснить, надо написать полностью „желѣзной дороги“, а не „же де“. „Жеде“—это вродѣ „ка де“; это партія. А разъ партія, то значитъ обыскъ, тюрьма высыл... У васъ хорошій слухъ—не звонятъ?

— Какая же партія?

— Этого я не знаю. Это съ *ними* поговорите. „Поѣзда отходящіе изъ Петербурга“—послушайте. Эта смѣлая фраза. Вы слишкомъ смѣло выражаетесь. Такъ нельзя. Замѣните ее.

— Да чѣмъ же я ее замѣню?

— Ну, какъ нибудь, въ родѣ: „Движеніе къ культурному западу“ или „направленіе его внутрь страны“. А то брякнули: „Поѣзда, отходящіе изъ Петербурга“. Для чего они отходятъ? Какъ отходятъ? Куда отходятъ? Кто въ нихъ уѣзжаетъ? Изъ Петербурга? Для чего? надолго? А? Нѣ-ѣтъ, я старый воробей, меня не проведете. Вонъ всю фразу! Не потерплю крамолы... Положительно звонятъ...

— Да, нѣтъ же—это часы.

— Проклятые часы. Ну-съ, а это что? Что это такое? съ торжествомъ ткнулъ редакторъ.

— Ничего.

— Ничего! Сами вы ничего. Прочтите ка всю фразу.

— Ну... „Поѣзда, отходящіе изъ Петербурга съ 15 октября“.

— Ясно, что вы поклялись сгноить меня въ тюрьмѣ.

— Да почему же?

— При чемъ здѣсь „съ 15 октября“? Зачѣмъ 15-ое октября? Я васъ спрашиваю, для чего вы написали число 15 октября? Вѣдь это явная уголовщина. Вѣдь это явный намекъ на 17 октября.

— То 17-ое, а здѣсь 15-ое.

— Разсказывайте сказки. Теперь Эзоповскій языкъ во какъ понятенъ сталъ.

— Можно другое число.

— Хорошо. Какое?

— 18-го октября.

— Съ ума сошли! Забываете—Томскъ, Кіевъ.

— 19-ое?

— Одесса, Минскъ.

— Ну 20-ое.

— Ростовъ-на-Дону.

— Ну 21-ое.

— Владивостокъ.

— Этакъ дѣйствительно трудно подобрать. Перейдемъ въ ноябрь.

— Въ ноябрѣ была забастовка, насъ привлекутъ къ отвѣтственности.

— Декабрь.

— Чудакъ: Москва! Забыли Москву!

— Январь.

— Еще скажете 9-ое? Вы совершенный младенецъ. Лучше бросимъ. Послѣ подберемъ что-нибудь.

„Въ Кіевъ черезъ Витебскъ, Жлобинъ и т. д. Совершенно лишняя фраза—извините, что я задѣваю ваше авторское самолюбіе, но это лишняя фраза: въ Кіевѣ военное положеніе и ѣздить публикѣ туда незачѣмъ. Если же захочетъ поѣхать начальство, то оно безъ вашихъ статей найдетъ свой поѣздъ.

„Въ Павловскъ“ и проч., это, конечно, вычеркивается. Впрочемъ мысль „новый вокзалъ“ можно оставить. Ну-ка, что получилось?

Сотрудникъ наклонился къ своей рукописи и прочелъ:

Внутреннее обозрѣніе

. . . г. Поѣздовъ . . . . . —Рыбинской желѣзной дороги.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . съ мартоября числа не было.

. . . . . 6 ч. 30 м. и 10 ч. в., ...

. . . . . .

. . . . . .

. . . въ Ст. Руссу (черезъ Дно) 6 ч. 30 м. в. . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . (новый вокзалъ) . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Оба остались статьей очень довольны, и въ ожиданіи звонка пристава, отправили ее въ типографію.

О. Дымовъ.

Рис. А—ра.

Обезьянка.

РОМАНЦЕРО.

(Какъ будто изъ Гейне).

Въ лѣто тысяча шестое
До Рожденія Христова,
Въ годъ, когда еще не знали
Ни эсъ—эровъ, ни Толстого,
Жилъ въ Сіамѣ просвѣщенномъ
Царь Сіама Магасцевэ...
Былъ могучъ, какъ Дурново, онъ
И свирѣпъ, какъ старый Плеве.
У него дворецъ былъ лѣтній,—
(Въ зимнемъ нѣтъ нужды въ Сіамѣ,
Тамъ жара по Фаренгейту
Два съ какими то нулями).
Передъ тономъ на площадкѣ
Было мѣсто для балета,
Тамъ плясали баядерки
По законамъ этикета...
Словомъ, жилъ царь Магасцевэ
Такъ привольно и богато;
Какъ помѣщики живали
На Руси у насъ когда-то...

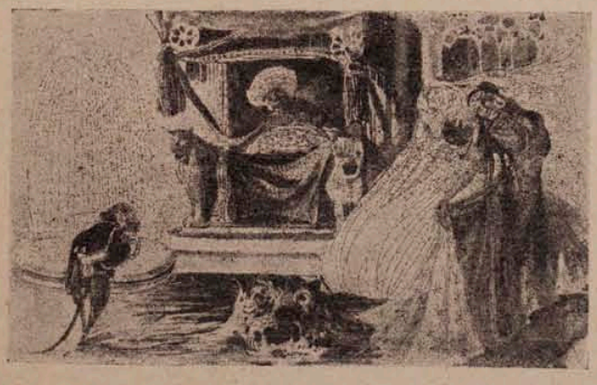


Рис. А. де Пальдо.

Вдругъ съ царемъ бѣда случилась.—
Фаворитка—обезьянка,
Что хранила ключъ отъ двери
Государственнаго Банка,
Въ казнокрадствѣ самомъ дерзкомъ
Среди бѣла дня попалась:—
Унести она изъ Банка
Два мильона собиралась.
И созвалъ царь Магасцевэ
Докторовъ своихъ придворныхъ
И министровъ—пусть рѣшаютъ
Въ словопреніяхъ упорныхъ,
Что?—преступна обезьянка,
Или только заболѣла
Чѣмъ нибудь такимъ, что кражу
Совершить она посмѣла.

Рис. А. де Пальдо.

И пришелъ къ царю лейбъ-медикъ
„Царь, онъ молвилъ: мы излѣчимъ
„Обезьянку, а не сможемъ,
„Такъ помочь ей больше нечѣмъ...
„Обезьянкѣ нужно только
„Климатъ новый и не жаркій,
„Путешествіе морское,
„Вина самой лучшей марки...
„Царь, пошли ее скорѣе
„Въ Петербургъ, тамъ всѣ счастливы,
„Люди тамъ здоровьемъ пышутъ,
„Всѣ свободны, всѣ красивы...
Не клюютъ тамъ куры денегъ,
(Ибо деньги тамъ—бумажки),
Тамъ народъ не понимаетъ,
Что такое каталажки.
Царь отправь, туда больную!
Царь не медли, Царь не медли!
Такъ сказалъ царю лейбъ-медикъ,
Мудрый старецъ Игразедли.

Я не знаю, въ заключенье
Что предпринялъ царь Сіама—
На россійской почтѣ, вѣрно,
Затерялась телеграмма.

Андрей Леонидовъ.

Рис. А. де Пальдо.

Русскіе типы. Дворникъ. — **Lestypis russes.** Le tchinownik.

Редакторъ-издатель В. Е. Турокъ.

Готовится къ выходу въ свѣтъ новая книга **КОРНѢЯ ЧУКОВСКАГО:**

Литературные очерки **„НЕ КСТАТИ„** Литературные очерки

Содержаніе: Поэзія мѣщанства.—Мережковскій и чортъ.—Леонидъ Андреевъ.—„Поединокъ" Куприна.—Напыщенное безсиліе (Семенъ Юшкевичъ).—Объ Арцыбашевѣ.—Памяти Евг. Соловьева.—Жертва русской революціи (Вл. Короленко).—Безпочвенный почвенникъ (А. Л. Волынскій).—Власъ Дорошевичъ.—О чеховскомъ жизнечувствованіи.—Толстой и интеллигенція. Бельтовъ и Валерій Брюсовъ.

Цѣна 1 руб.

Отъ Редакціи. Въ портфелѣ редакціи находятся новыя произведенія М. Арцыбашева, А. Куприна и В. И. Немировича-Данченко, которыя будутъ помѣщены въ ближайшихъ номерахъ нашего журнала.

Сознавая вполнѣ необходимость **культурнаго** сатирическаго журнала, посвященнаго не двумъ-тремъ лицамъ, не двумъ-тремъ событіямъ, а **внутреннему, бытовому, общественному** укладу нашей родины, мы пригласили къ участію въ нашемъ журналѣ

Вас. Ос. 13 лин., д. 2. **„Сигналы"** **Телефонъ № 20652.**

слѣдующихъ литераторовъ и художниковъ: Андрей Леонидовъ (псевд.) Allegro (П. С. Соловьева). В. А. Анзиміровъ. М. П. Арцыбашевъ, А. Айзеншеръ, кн. В. В. Барятинскій (Баронъ Ondit.) К. Барвинокъ, Б. И. Бентовинъ (Импрессіонистъ), Валерій Брюсовъ, Л. Василевскій, Н. Н. Виноградовъ. Зинаида Венгерова, Л. Вилькина, Л. Габриловичъ (Леонидъ Галичъ), О. Дымовъ, В. Ермиловъ, В. Жаботинскій (Владиміръ. Ж.), Карменъ, Квидамъ (псевд.), А. И. Косоротовъ, Кулябко-Корецкій, А. И. Купринъ, Lolo, Вл. Ладыженскій, А. Любимовъ, Н. М. Минскій, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Омега И. О. Осиповъ, А. де-Пальдо, С. Ф. Плевако, М. Пустынинъ, М. Свободинъ, Скиталецъ (О. Яковлевъ), Ѳедоръ Сологубъ, Е. В. Святловскій, В. А. Тихоновъ (Мордвинъ), В. Е. Турокъ, Тэффи, Ф. Н. Фальковскій, А. М. Хирьяковъ, Н. Н. Ходотовъ, В. В. Чеховъ, К. Чуковскій, О. Н. Чюмина (Оптимистъ) и мн. др.

Открыта подписка на 1906 г. — Цѣна на годъ 3 руб. со всѣми приложеніями.

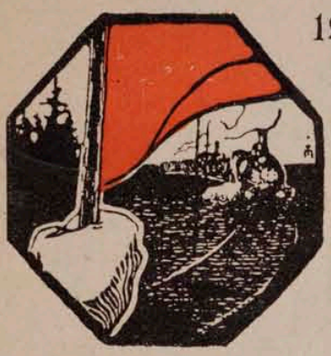
Редакторъ принимаетъ ежедневно, кромѣ среды, отъ 12—2 часовъ.

Типографія Л. В. Гутмана. Калашниковскій пр., д. № 15.

DK262
.R9

Цѣна 5 коп.

1906 Среда, 18 января



СИГНАЛЫ

С.-Петербургъ, В.О. 13 л. 2.

ВЫПУСКЪ 2

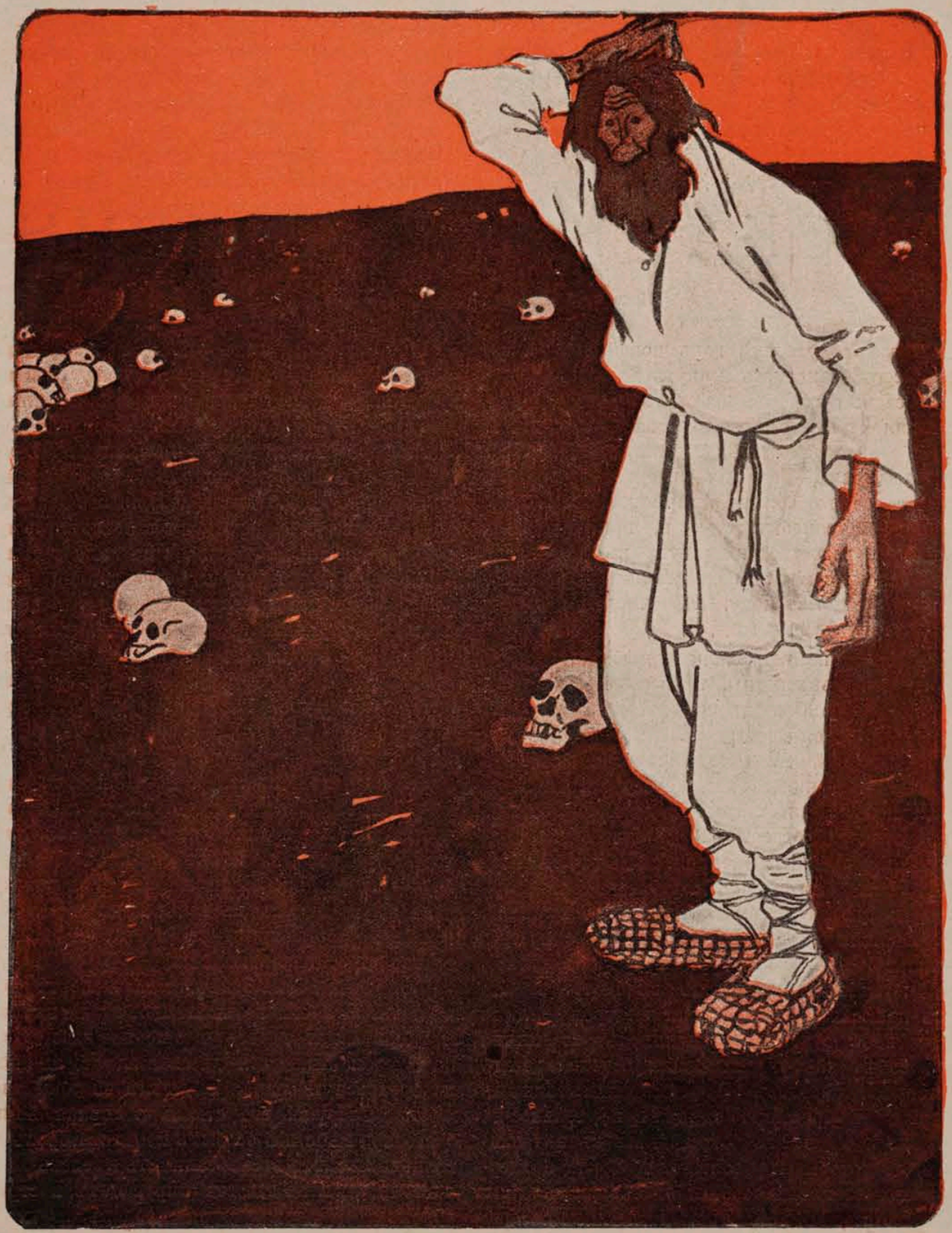


Рис. А. Любимова.

РАЗСКАЗЪ А. И. КУПРИНА.

Посвящаю Скитальцу (С. Г. Петрову).

Истекалъ двухсотый годъ новой эры. Оставалось всего пятнадцать минутъ до того мѣсяца, дня и часа, въ которомъ, два столѣтія тому назадъ, послѣдняя страна съ государственнымъ устройствомъ, самая упрямая, консервативная и тупая изъ всѣхъ странъ—Германія—наконецъ, рѣшилась разстаться со своей давно устарѣвшей и смѣшной національной самобытностью и, при ликованіи всей земли, радостно примкнула къ всемірному анархическому союзу свободныхъ людей. По древнему же, христіанскому, лѣтосчисленію теперь былъ бы канунъ 2906 года.

Но нигдѣ не встрѣчали новаго, двухсотаго, года съ такимъ гордымъ торжествомъ, какъ на Сѣверномъ и на Южномъ полюсахъ, на главныхъ станціяхъ великой Электро-земно-магнитной Ассоціаціи. Въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ много тысячъ техниковъ, инженеровъ, астрономовъ, математиковъ, архитекторовъ и другихъ ученыхъ спеціалистовъ самоотверженно работали надъ осуществленіемъ самой вдохновенной, самой героической идеи II вѣка. Они рѣшили обратить земной шаръ въ гигантскую электро-магнитную катушку и для этого обмотали его съ сѣвера до юга спиралью изъ стального, одѣтаго въ гуттаперчу троса, длиною около четырехъ милліардовъ километровъ. На обоихъ полюсахъ они воздвигли электроприемники необычайной мощности и, наконецъ, соединили между собою всѣ уголки Земли безчисленнымъ множествомъ проводовъ. За этимъ удивительнымъ предпріятіемъ тревожно слѣдили не только на Землѣ, но и на всѣхъ ближайшихъ къ ней планетахъ, съ которыми у обитателей Земли поддерживались постоянныя сообщенія. Многіе глядѣли на затѣю Ассоціаціи съ недовѣріемъ, иные съ опасеніемъ и даже съ ужасомъ.

Но истекшій годъ — былъ годомъ, полнымъ блестящей побѣды Ассоціаціи надъ скептиками. Неистощимая магнитная сила земли привела въ движеніе всѣ фабрики, заводы, земледѣльческія машины, желѣзныя дороги и пароходы. Она освѣтила всѣ улицы и всѣ дома и обогрѣла всѣ жилыя помѣщенія. Она сдѣлала ненужнымъ дальнѣйшее употребленіе каменнаго угля, залежи котораго уже давно изсякали. Она стерла съ лица земли безобразныя дымовыя трубы, отравлявшія воздухъ. Она избавила цвѣты, травы и деревья—эту истинную радость земли—отъ грозившаго имъ вымиранія и истребленія. Наконецъ, она дала неслыханные результаты въ земледѣліи, поднявъ повсемѣстно производительность почвы почти въ четыре раза!..

* * *

Одинъ изъ инженеровъ Сѣверной станціи, избранный на сегодня предсѣдателемъ, всталъ съ своего мѣста и поднялъ кверху бокалъ. Всѣ тотчасъ же замолкли. И онъ сказалъ:

— Товарищи! Если вы согласны, то я сейчасъ же соединюсь съ нашими дорогими сотрудниками, работающими на Южной станціи. Они только что сигнализировали.

Огромный Залъ Совѣщанія безконечно уходилъ въ даль. Это было великолѣпное зданіе изъ стекла, мрамора и желѣза, все украшенное экзотическими цвѣтами и пышными деревьями, скорѣе похожее на прекрасную оранжерею, чѣмъ на общественное мѣсто. Снаружи его стояла полярная ночь, но, благодаря дѣйствію особыхъ конденсаторовъ, яркій солнечный свѣтъ весело заливалъ и зелень растеній, и столы, и лица тысячи пирующихъ, и стройныя колонны, поддерживавшія потолокъ, и чудесныя картины и статуи въ простѣнкахъ. Три стѣны

Залы Совѣщанія были прозрачны, но четвертая, спиной къ которой помѣщался предсѣдатель, представляла изъ себя бѣлый четырехугольный экранъ, сдѣланный изъ необыкновенно нѣжнаго, блестящаго и тонкаго сплава.

И вотъ, получивъ согласіе общества, предсѣдатель дотронулся пальцемъ до маленькой кнопки, заключенной въ столѣ. Экранъ мгновенно освѣтился ослѣпительнымъ внутреннимъ свѣтомъ и сразу точно растаялъ, а за нимъ открылся такой же высокій, уходящій вдаль прекрасный стеклянный дворецъ, и также, какъ и здѣсь, сидѣли за столами сильные, красивые люди, съ радостными лицами, въ легкихъ, сверкающихъ одеждахъ. И тѣ, и другіе, раздѣленные разстояніемъ въ 20.000 верстъ, узнавали другъ друга, улыбались другъ другу и въ видѣ привѣтствія подымали кверху бокалы. Но изъ за общаго смѣха и восклицаній они пока еще не слышали голосовъ своихъ далекихъ друзей.

Тогда опять всталъ и заговорилъ предсѣдатель, и тотчасъ замолчали его друзья и сотрудники на обоихъ концахъ земного шара.

И онъ сказалъ:

— Дорогіе мои сестры и братья! И вы, прелестныя женщины, къ которымъ обращена теперь моя страсть! И вы, сестры, прежде любившія меня, вы, къ которымъ мое сердце преисполнено благодарностью! Слушайте. Слава вѣчно-юной, прекрасной, неисчерпаемой жизни. Слава единственному Богу на землѣ — Человѣку. Воздадимъ хвалу всѣмъ радостямъ Его тѣла и воздадимъ торжественное, великое поклоненіе Его безсмертному уму!

Вотъ гляжу я на васъ—гордые, смѣлые, равные, веселые—и горячей любовью зажигается моя душа! Ничѣмъ не стѣсненъ нашъ умъ, и нѣтъ преградъ нашимъ желаніямъ. Не знаемъ мы ни подчиненія, ни власти, ни зависти, ни вражды, ни насилія, ни обмана. Каждый день разверзаетъ передъ нами цѣлыя бездны міровыхъ тайнъ, и все радостнѣе познаемъ мы безконечность и всесильность знанія. И самая смерть уже не страшитъ насъ, ибо уходимъ мы изъ жизни, не обезображенные уродствомъ старости, не съ дикимъ ужасомъ въ глазахъ и не съ проклятіемъ на устахъ, а красивые, богоподобные, улыбающіеся, и мы не цѣпляемся судорожно за жалкій остатокъ жизни, а тихо закрываемъ глаза, какъ утомленные путники. Трудъ нашъ—это наше наслажденіе. И любовь наша, освобожденная отъ всѣхъ цѣпей рабства и пошлости—подобна любви цвѣтовъ: такъ она свободна и прекрасна. И единственный нашъ господинъ—человѣческій геній!

Друзья мои! Можетъ быть, я говорю давно извѣстныя, общія мѣста? Но я не могу поступить иначе. Сегодня съ утра я читалъ, не отрываясь, замѣчательную и ужасную книгу. Эта книга—Исторія революцій XX столѣтія.

Часто мнѣ приходило въ голову: не сказку ли я читаю? Такой неправдоподобной, такой чудовищной и нелѣпой казалась мнѣ жизнь нашихъ предковъ, отдаленныхъ отъ насъ десятью вѣками.

Порочные, грязные, зараженные болѣзнями, уродливые, трусливые—они были похожи на омерзительныхъ гадовъ, запертыхъ въ узкую клѣтку. Одинъ кралъ у другого кусокъ хлѣба и уносилъ его въ темный уголъ и ложился на него животомъ, чтобы не увидалъ третій. Они отнимали другъ отъ друга жилища, лѣса, воду, землю и воздухъ. Кучки обжоръ и развратниковъ, подкрѣпленные ханжами, обманщиками, ворами и насильниками, натравляли одну толпу пьяныхъ рабовъ на другую толпу дрожащихъ идіотовъ и жили паразитами на гноѣ общественнаго разложенія. И

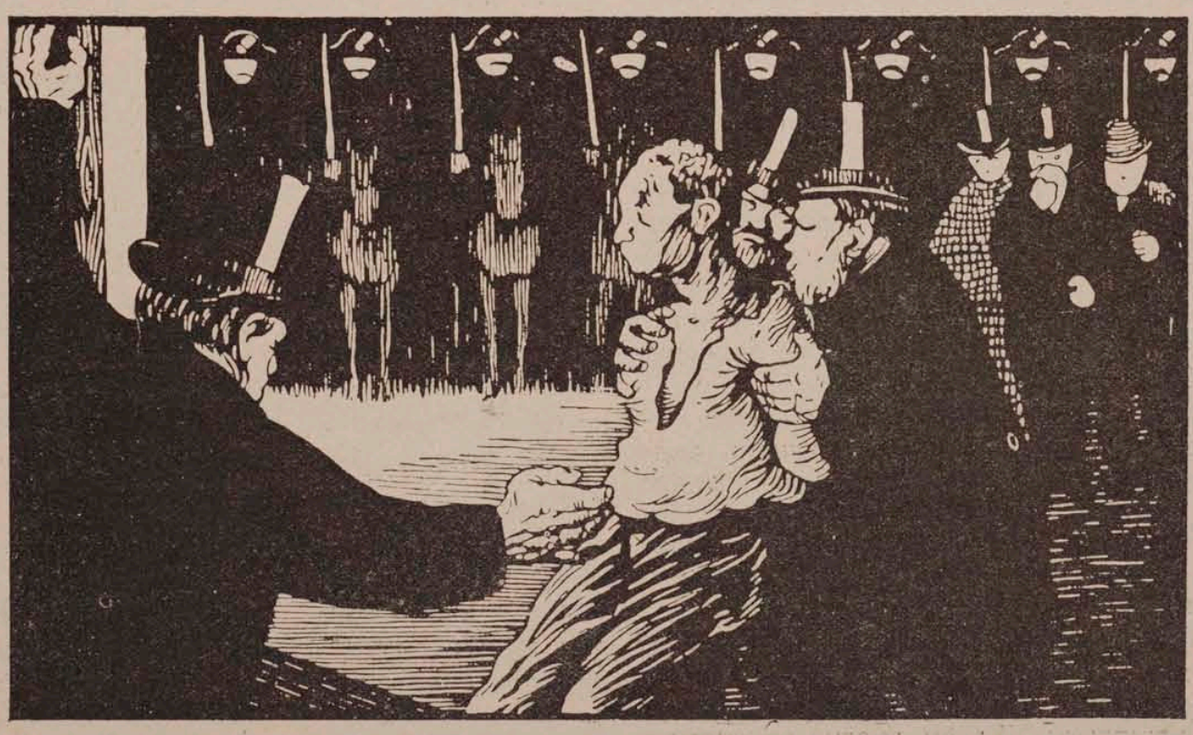


Рис. Валотона. *„Міръ Искусства“.*

земля, такая обширная и прекрасная, была тѣсна для людей, какъ темница, и душна, какъ склепъ.

Но и тогда среди покорныхъ вьючныхъ животныхъ, среди трусливыхъ пресмыкающихся рабовъ, вдругъ подымали головы нетерпѣливые, гордые люди, герои съ пламенными душами. Какъ они рождались въ тотъ подлый, боязливый вѣкъ—я не могу понять этого! Но они выходили на площади и на перекрестки и кричали: „Да здравствуетъ свобода!“ И въ то ужасное кровавое время, когда ни одинъ частный домъ не былъ надежнымъ убѣжищемъ, когда насиліе, истязаніе и убійство награждались по-царски, эти люди въ своемъ священномъ безуміи кричали: „долой тирановъ!“

И они обагряли своей праведной горячей кровью плиты тротуаровъ. Они сходили съ ума въ каменныхъ мѣшкахъ. Они умирали на висѣлицахъ и подъ разстрѣломъ. Они отрекались добровольно отъ всѣхъ радостей жизни, кромѣ одной, радости—умереть за свободную жизнь грядущаго человѣчества.

Друзья мои! Развѣ вы не видите этого моста изъ человѣческихъ труповъ, который соединяетъ наше сіяющее настоящее съ ужаснымъ, темнымъ прошлымъ? Развѣ вы не чувствуете той кровавой рѣки, которая вынесла все человѣчество въ просторное, сіяющее море всемірнаго счастія?

Вѣчная память вамъ, невѣдомые, вамъ, безмолвные страдальцы! Когда вы умирали, то въ прозорливыхъ глазахъ вашихъ, устремленныхъ въ даль вѣковъ, свѣтилась улыбка. Вы провидѣли насъ, освобожденныхъ, сильныхъ, торжествующихъ, и въ великій мигъ смерти посылали намъ свое благословеніе.

Друзья мои! Пусть каждый изъ насъ тихо, не произнося ни слова, наединѣ съ собственнымъ сердцемъ, выпьетъ бокалъ, въ память этихъ далекихъ мучениковъ. И пусть каждый почувствуетъ на себѣ ихъ примиренный, благословляющій взглядъ!...

И всѣ выпили молча. Но женщина необычайной красоты, сидѣвшая рядомъ съ ораторомъ, вдругъ прижалась головой къ его груди и беззвучно заплакала. И на вопросъ его о причинѣ слезъ, она отвѣтила едва слышно:

— А все-таки... какъ бы я хотѣла жить въ то время... съ ними... съ ними...

А. Купринъ.

Рис. А. Арнштама.

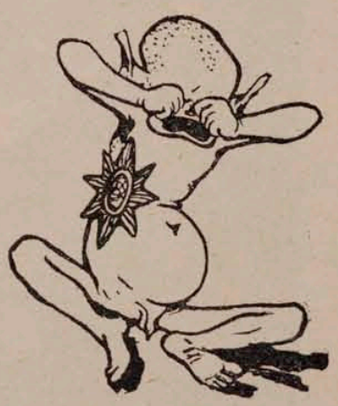
Хроника.

— По слухамъ, ожидается забастовка ветеринаровъ. Сановники, вышедшіе въ отставку по болѣзни, сильно взволнованы этимъ извѣстіемъ.

———

— „Печать должна быть свободной“,—сказалъ приставъ и, накладывая печать на двери типографіи, обошелся безъ веревочки.

О. Д.



— **Москва.** Неизвѣстный человѣкъ положилъ бомбу съ фитилемъ у церкви Св. Симеона и скрылся. По изслѣдованіи бомба оказалась младенцемъ мужского пола двухъ дней отъ рожденія. Новорожденный революціонеръ тутъ же разстрѣлянъ подоспѣвшимъ войсками.

К. Барвинокъ.

Рис. Валэтона. *„Міръ Искусства“.*

Народная пѣсня.

(На мотивъ „По улицѣ мостовой“ . .)

Въ девятьсотъ во пятый годъ
Помиралъ въ Москвѣ народъ —
Не отъ гладу, не отъ мору,
Не съ лихого наговору,—
Ноне новая манерь:
Завелась въ Москвѣ эсъ-эръ,
По всѣмъ улицамъ подъ-рядъ
Навалила баррикадъ,
Знамя красное воткнула,
Марсельезу затянула,
Завопила: „всѣхъ долой!“..
Не уймется и становой...

А Дубасовъ адмиралъ
Ночку не спалъ, не дремалъ,
Свою армію сряжалъ,
Мѣдны пушки заряжалъ. ..

Какъ пошли наши палить,—
Только дымъ столбомъ валитъ:
Палятъ сотни, палятъ роты,
Съ колоколенъ пулеметы.—
По грачамъ и по заборамъ,
По кухаркамъ, по соборамъ....
Полъ Москвы съ пальбой прошли,
А эсъ-эровъ не нашли....

Но сколь сильно не палили,
Мало пользы получили
Много дѣтушекъ побили,
А эсъ-эровъ ни словили.
Ай люли, ай люли,
А эсъ-эровъ не нашли!..

Селецкій.

Мысли и афоризмы Ѳомы Пруткова.

1.

Жена редактора склонность къ одиночеству имѣетъ.

2.

Не будь прокуроровъ, скажи, кто оскорблялъ бы Его Величество.

3.

Не министерствуй!

4.

Подгибая колѣни близъ офицера,—можетъ ли онъ за жизнь твою поручиться?

5.

Не совсѣмъ понимаю, почему говорятъ—„изъ пятаго въ десятое“, а не „съ шестого на девятое“, это гораздо остроумнѣе.

Андрей Леонидовъ.

Рис. А. Любимова.

Въ кабинетѣ Витте.

Витте сидитъ у стола и пишетъ обѣими руками, причемъ правая не знаетъ того, что дѣлаетъ лѣвая.

Лакей (лицомъ похожій на одного министра, докладываетъ): Осмѣлюсь доложить, депутація пришла.

Витте (забывшись.) Не слушаю... подъ судъ.

Лакей. Ваше сія...

Витте (очнувшись.) А? Что? Петръ... Петръ... Тьфу! я, братецъ, все тебя путаю съ...

Лакей (обидѣвшись.) Тридцать лѣтъ я при васъ состою... Еще когда вы золотую валюту вводили...

Витте (раздраженно). Про золотую валюту ты мнѣ не говори. Понимаешь, о н и тоже вводятъ золотую валюту. О н и тоже!

Лакей. Понимаю, это которые эсеры...

Витте. Такъ и напечатали — требовать уплаты золотомъ и полноцѣнной звонкой монетой. Они обкрадываютъ меня! Они крадутъ мои идеи. Это плагіатъ.

Лакей (услышавъ иностранное слово и сообразивъ, что бесѣда затянется.) Депутація пришла... Принять прикажете?

Витте (колеблясь). Какая изъ себя?

Лакей. Въ родѣ какъ бы правового порядка... съ бородкой, но безъ ножей...

Витте. И... и носъ не съ горбинкой.?

Лакей. Никакъ-съ нѣтъ.

Витте. Собственно я люблю евреевъ, но какъ только вмѣшаюсь въ ихъ дѣла, такъ сейчасъ погромъ. Ужъ лучше не принимать ихъ депутаціи...

Лакей. Нѣтъ-съ, носъ правильный, православный.

Витте. Проси.

Депутація входитъ.

Депутація (кланяется). Имѣемъ честь просить, ваше сіятельство...

Витте. Кто вы?

Депутація. А мы, значитъ, союзъ третьяго декабря.

Витте (не разслышавъ.) Союзъ 17-го октября? Что-жъ, господа, въ добрый часъ. Очень оригинальное названіе союза. Семнадцатаго октября... Позвольте, что такое было семнадцатаго октября? Крушеніе... Нѣтъ, еще что-то было. Погодите, я сейчасъ вспомню. Семнадцатое... Гм... да.. Мученикъ Андрей Критскій... Есть! Эврика (обворожительно улыбается.) Да вѣдь семнадцатаго октября подписана конституція! (укоризненно) Какъ же вы забыли, господа, господа!

Депутація. Мы собственно...

Витте (качаетъ головой.) Нехорошо, нехорошо. Вы учреждаете союзъ и называете его именемъ того самаго дня, въ который воспрещены всякіе союзы.

Депутація. Ваше сіятельство хочетъ сказать „разрѣшены“.

Витте (вспыхивая.) Да, да, разрѣшены. Я это и хочу сказать. Знаете, такой безтолковый у меня секретарь: вѣчно перепутаетъ бумаги. Что разрѣшено, что запрещено — ничего не разберешь.

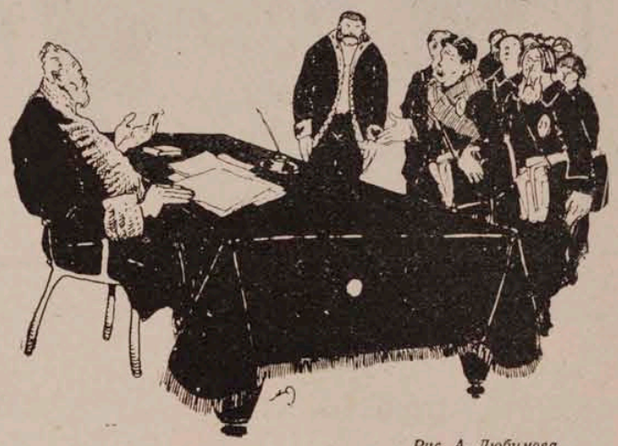


Рис. А. Любимова.

Депутація. Это точно. При конституціи недолго перепутать. Однако, мы не союзъ 17 октября, а 3 декабря.

Витте (въ изумленіи.) Да что вы! Этого не можетъ быть. Неужели 3 декабря тоже ввели конституцію? Совершенно не помню. Первую конституцію помню: Одесса, Кіевъ, Ростовъ на Дону, Томскъ и т. д. А вторую. ... хоть убейте, не припомню. Что же вамъ собственно угодно?

Депутація (кланяется въ ноги). Ваше сіятельство. Мы люди бѣдные, доходы наши маленькіе, что продадимъ, то заработаемъ. Газетчики мы, на углахъ улицъ стоимъ, можетъ быть, случалось видѣть. ...

Витте. Что же вы просите?

Депутація. Прикажите, ваше сіятельство, отмѣнить свободу печати. Никакой возможности стало торговать. Какой товаръ? „Правительственный Вѣстникъ“. Ну сами посудите. А публика спрашиваетъ. Вотъ мы и образовали общій союзъ „3 декабря“ противъ, значитъ, свободы печати, чтобы газеты продавать. Ваше сіятельство, отмѣните свободу печати: который день печатной строки не видѣли, ваше сіятельство!

Витте (гнѣвно). Вы крамольники и измѣнники. Какъ! Думать объ отмѣнѣ свободы, когда сами ... когда сами ... (звонитъ) эй, кто тамъ. Взять ихъ! человѣкъ!...

Входитъ человѣкъ, похожій на одного министра.

Происходитъ неприкосновенность личности.

О. Д.

— „Министръ юстиціи сенаторъ Акимовъ въ бесѣдѣ съ чинами судебнаго вѣдомства высказался въ томъ смыслѣ, что судъ долженъ быть вполнѣ независимымъ, считаться только со своей совѣстью и быть внѣ всякихъ вліяній“, — такъ сообщили газеты.

Тотчасъ же распространился слухъ объ его отставкѣ.

— Его степенство Эмиръ Бухарскій наградилъ новаго министра юстиціи д. с. с. Акимова халатомъ второго разряда.

Н. Градовъ.

Гдѣ моя шапка?

Шаржъ О. Дымова.

У поэта Вячеслава Иванова былъ произведенъ обыскъ. Нагрянувшая полиція обыскивала также собравшихся для литературной бесѣды гостей. По окончаніи обыска оказалось, что пропала шапка поэта Д. С. Мережковскаго. Разсказавъ этотъ случай въ газетѣ „Наша жизнь“, г. Мережковскій съ искреннимъ и горестнымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

— Гдѣ же моя шапка?

Многія лица, почувствовавъ, что отвѣтъ ожидается именно съ ихъ стороны, прислали въ редакцію „Сигналы“ слѣдующія разъясненія:

— Могу доказать свое alibi.

Алексѣевъ.

— Молитесь! Ежели найдется въ участкѣ — воистину будетъ чудо.

Отецъ Іоаннъ Сергіевъ.

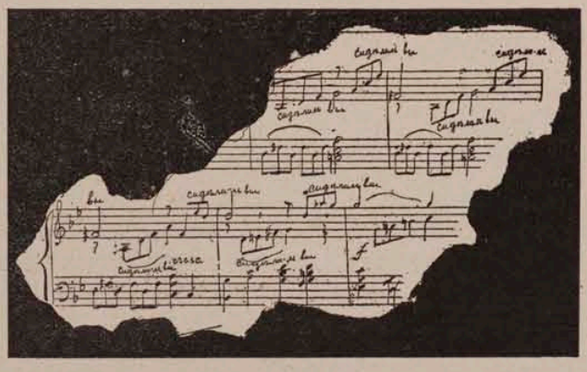


Рис. А. Арнштама.

— Въ государственную роспись доходовъ на 1906 годъ не включилъ.

В. Шиповъ.

— Это по вашей мнѣ дали?

Хилковъ.

— Прошу безъ намековъ.

Стесселъ.

— Котиковая? Уступилъ японцамъ.

Профессоръ Мартенсъ.

— Неправда!

Братья Нейдгартъ.

— Отправлена въ дѣйствующую армію для закиданія непріятеля.

Мищенко.

— Передъ этой загадкой отступаю. Терпѣніе, терпѣніе — найдется.

Куропаткинъ.

— Походила на ермолку: повѣсилъ.

Курловъ.

— Шапка? Не шашка ли?

Корнетъ Фроловъ.

— 31-го декабря?... 31-го декабря я былъ занятъ.

Корнетъ Оконевъ.

— Я отыщу ее на днѣ морскомъ.

Небогатовъ.

— Принялъ за свою и далъ молодецкій залпъ.

Ренненкамфъ.

— Вспоролъ.

Кн. Мещерскій.

Къ читателямъ! Въ виду того, что почти всѣ типографіи Петербурга до послѣдняго времени были закрыты, и намъ поневолѣ пришлось обратиться для печатанія предыдущаго номера въ первую попавшуюся типографію, журналъ нашъ до сихъ поръ — въ техническомъ отношеніи, былъ ниже нашихъ требованій.

Рис. А. Любимова.

Редакторъ-издатель **В. Е. Турокъ.**

Готовится къ выходу въ свѣтъ новая книга Корнѣя Чуковскаго:

Литературные очерки **„НЕ КСТАТИ“** Литературные очерки

Содержаніе: Поэзія мѣщанства. — Мережковскій и чортъ. — Леонидъ Андреевъ. — Поединокъ „Куприна“. — Напыщенное безсиліе (Семенъ Юшкевичъ). — Объ Арцыбашевѣ. — Памяти Евг. Соловьева. — Жертва русской революціи (Вл. Короленко). — Безпочвенный почвенникъ (А. Л. Волынскій). — Власъ Дорошевичъ.

Цѣна 1 руб.

Сознавая вполнѣ необходимость **культурнаго** сатирическаго журнала, посвященнаго не двумъ-тремъ лицамъ, не двумъ-тремъ событіямъ, а **внутреннему, бытовому, общественному** укладу нашей родины, мы пригласили къ участію въ нашемъ журналѣ

Вас. Ос. 13 лин., д. 2. **„Сигналы“** Телефонъ № 20352.

слѣдующихъ литераторовъ и художниковъ: Allegro (П. С. Соловьева), В. А. Анзиміровъ, М. П. Арцыбашевъ, кн. В. В. Барятинскій, К. Барвинокъ, Б. И. Бентовинъ (Импрессіонистъ), Л. Василевскій, Зинаида Венгерова, Л. Вилькина, Л. Габриловичъ (Леонидъ Галичъ), О. Дымовъ, В. Ермиловъ, В. Жаботинскій (Владиміръ Ж.), Карменъ, Квидамъ (псевд.), А. И. Косоротовъ, Кулябко-Корецкій, А. И. Купринъ, Lolo, Вл. Ладыженскій, А. Любимовъ, Н. М. Минскій, Вас. Ив Немировичъ-Данченко, И. О. Осиповъ, А. де-Пальдо, С. Ф. Плевако, М. Пустынинъ, М. Свободинъ, Скиталецъ (О. Яковлевъ), Ѳедоръ Сологубъ, Е. В. Святловскій, В. А. Тихоновъ (Мордвинъ), В. Е. Турокъ, Тэффи, Ф. Н. Фальковскій, А. М. Хирьяковъ, Н. Н. Ходотовъ, В. В. Чеховъ, К. Чуковскій, О. Н. Чюмина (Оптимистъ) и мн. др.

Открыта подписка на 1906 г. — Цѣна на годъ 3 руб. со всѣми приложеніями.

Редакторъ принимаетъ ежедневно, кромѣ среды, отъ **12—2** часовъ.

Типографія Т-ва „Просвѣщеніе“, С.-Петербургъ, 7 рота, 20.